

ДУНЯ

Фантазия в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Кузьмич Сомов, богатый мещанин.

Мария Павловна, его жена.

Дуня, его дочь от первого брака.

Андрей Михайлович Суйков, бывший оперный артист.

Евдокия Ивановна, его жена.

Николай Васильевич Светлов, кандидат университета.

Мазиллов, художник.

Перышкин, литератор.

Трубадуров, музыкант. Молодые люди, квартиранты Суйковых.

Лаптев, молодой человек без определенных занятий.

Надя Воробьева, подруга Дуни.

Гурчин, приказчик Сомова.

Петр, дворник.

Казанский татарин.

Сидор, человек в доме Сомова.

Дворник.

Володя, мальчик. без слов.

1-ое действие происходит в провинциальном городе, остальные – в Петербурге.

 ДЕЙСТВИЕ 1-ое

Гостиная в доме Сомова

ЯВЛЕНИЕ I.

Сомов и Гурчин.

Сомов (*кладет на счеты*). 78 р. 50 к... Так... (*читает*) за починку плотины на верхней мельнице 63 р. 45 к. (*кладет*), 63 р. 45 к., так... Всего, значит, за июль месяц израсходовано 327 р. 55 к. Порядком!.. Не знаю, как-то жить будем... Урожай плох, а тут еще по соседству проклятый немец затеял тоже мельницу... Скоро работать начнет... а?

Гурчин. Недели через две пустит.

Сомов. Чего доброго подорвет... а?

Гурчин. Подорвет, Иван Кузьмич, чего доброго, подорвет...

Сомов. Камни-то у него лучше, а?

Гурчин. Лучше, Иван Кузьмич, камни у него лучше...

Сомов. Неужто наши совсем плохи?

Гурчин. Не то, чтобы очень, а так...

Сомов. Крошатся, а?

Гурчин. Крошатся, Иван Кузьмич, очень крошатся.

Сомов. Ну, ладно. Посмотрим сначала, а там, может, и мы переменим.

Гурчин. Да, Иван Кузьмич. Надо сначала посмотреть, а там можно будет и поменять.

Сомов. Ты сейчас на мельницу?

Гурчин. Куда прикажете, – и на мельницу могу...

Сомов. Ну, так ступай.

Гурчин. На мельницу прикажете?

Сомов. Да, да... Надо сказать мирошнику Карпу, чтобы он у меня был осторожнее.

Гурчин. Он честный старик, Иван Кузьмич, одиннадцатый год служит.

Сомов. Знаю, что служит... Но ты ему скажи, что так нельзя... от места откажут.

Гурчин. За что, Иван Кузьмич?

Сомов. За то самое... барыня жалится... она не любит, чтобы того... так ты ему и скажи...

Гурчин. Слушаю-с.

Сомов. И всем скажи, чтобы уважали, а то не я буду виноват, если откажут...

Гурчин. Карп сказывал, что ему нельзя было отлучаться, когда барыня приказывали наловить рыбы, – занят был. А ведь вы сами не любите, чтобы люди бросали дело.

Сомов. Знаю, что не люблю... да нельзя... не те времена... В законе сказано: жена да боится мужа, потому он глава, а на деле выходит... Что ж ты стоишь? Ступай.

Гурчин. Слушаю-с (уходит).

ЯВЛЕНИЕ II.

Сомов (*один*). Да, плохо. Где немец затеет что, там добра не жди для нашего брата. Не увязнуть бы... А тут еще расходы по домашности... На образованной задумал жениться... ради дочки... учиться, думаю, так чтобы было кому присмотреть. И въехал... женился... Она и пошла командовать по-своему. И то не так, и это – все хочет как у господ. Одна эта гармоника (*показывает на рояль*) 800 целковых стала. А шляпы, бурнусы и прочая дрянь... тьфу. И жаловаться не смей, – сам виноват. Бросился в омут головой и отхлебывайся, как знаешь. (*Зовет*). Дуня! Дуняшка!..

ЯВЛЕНИЕ III.

Сомов и Дуня (*входит с тетрадью*).

Дуня. Что, папа?

Сомов. Дай-ка мне воды.

Дуня (*наливает из графина стакан и подает*).

Сомов. А мама где?

Дуня. Не знаю... В саду, должно быть.

Сомов. Кой чорт, в саду! Нет ее в саду. Она, говорят, поехала... Зачем она поехала? Куда? а?

Дуня. Ах, папа, я почему знаю.

Сомов. А почему бы не знать? Ведь ты – дочь, ты должна знать, куда мать отлучается.

Дуня. Она мне не говорит об этом, а я считаю лишним спрашивать...

Сомов. Что?!

Дуня. Говорю, не знаю (хочет уходить).

Сомов. Постой. Убери стакан-то (пьет).

Дуня (ставит стакан на место и уходит).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Сомов (*один*). Чёрт!.. Кто же должен знать! Люди не знают, она не знает, а я и вовсе не знаю. Ровно в чаду каком... ничего не могу сообразить... где я? что я? Ничего не понимаю. Знаю только, что я женат на барыне – это знаю, а где эта самая барыня изволит разгуливать по целым дням, об этом не могли спрашивать. Да, не могли! Это дело не твое, значит и не спрашивай. Болван! поддался, а теперь и выкрутиться не могу... Дуняшка!

ЯВЛЕНИЕ V.

Сомов и Дуня.

Дуня. Что, папа?

Сомов. Не знаешь ли, где моя сигарница?

Дуня. Она здесь, должно быть, на столе... Вот... (*подает и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Сомов (*один*). Курить приучила. Говорит, к тебе идет. Кой чорт идет, когда каждая такая сосулька (*вынимает сигару*) чуть не четвертак стоит. А какой от нее прок? Говорят: соси, ну и будем сосать... Дуняшка!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Сомов и Дуня.

Дуня. Ах, папа, ты мне с учеником не даешь заниматься... Что тебе?

Сомов. Успеешь еще. Дело неважное. Ты дай отцу закурить, а потом и занимайся сколько хочешь. Спичку дай.

Дуня. Они вот около тебя.

Сомов. Ну, что ж, что около меня?! Зажги, дай! Отец-то, чай, ближе тебе, чем ученик.

Дуня (*зажигает*). Обязанности должны быть также дороги...

Сомов. Что?

Дуня. Я говорю, что мне некогда. Надо с ним позаниматься, а потом бежать к другому.

Сомов. Что ж ты меня этим упрекнуть задумала, что ли? Ведь твоя воля, я даже запрещаю тебе бегать.

Дуня. Я это очень хорошо знаю.

Сомов. А знаешь, так и сиди дома. Ни в чем тебе недостачи нет и сиди!

Дуня. Не могу, папа.

Сомов. Вздор. Тебя никто не заставляет. Есть беднее тебя, да не бегают по урокам, — значит, и тебе можно, ты у меня не хуже других.

Дуня. Вот потому и не могу. Я должна работать, должна приносить какую-нибудь пользу.

Сомов. Ну, понесла опять свое. Должна, должна!..

Дуня. Не свое, папа, а общечеловеческое, христианское. Пока мы живы, должны работать, должны приносить посильную пользу; без этого ни одно существо не имеет права на жизнь...

Сомов. Ну, ну ладно, ступай!.. приноси свою пользу; я не буду тебе мешать...

Дуня (*целует его*). А за это мерси (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Сомов (*один*). Чорт знает, – их не поймешь. Учились, кажется, в одной школе, а думают и говорят разное. Жена доедает тем, что надо вести себя, как надлежит людям со средствами: чинно, благородно, ни до чего не касаться, а только приказывать... А дочь поет совсем другое: всякий человек, говорит, должен работать, а иначе не могли жить. Вот и понимай, как знаешь... Тьфу! Ошалеть можно...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Сомов, Марья Павловна, Надя Воробьева и Сидор
(*с картонками*).

Марья Павловна. Ну, вот и мы. (*Сидору*). Клади вот сюда. (*Мужу*). Ну, Ванчик, я привезла тебе подарок, какого ты и во сне не видывал (*целует*).

Воробьева. Да, да, Иван Кузьмич, вы должны боготворить такую жену, – она за вами так ухаживает...

Сомов (*здороваясь с Воробьевой*). Отчего бы не ухаживать, – на то жена.

Воробьева. Не говорите, Иван Кузьмич, не всякая жена станет так ухаживать за мужем.

Сомов. Признаться и не всякому мужу подстать такое ухаживание супружницы. Того и гляди, попадешь шутлом в балаган...

Воробьева. Полноте! вы такой красавчик, вам бы городским головою быть.

Сомов. Вот то и я говорю: не вынесу я этого самого шутловства.

Мар. Павл. (*топнув ногой*). Ванчик! не смей говорить глупости.

Сомов. Ну, ну, не буду. Покажи подарок-то.

Мар. Павл. (*подставляет щеку*). А ты поцелуй сначала... Ну!

Сомов. При барышне-то?

Воробьева. Не стесняйтесь – я очень люблю.

Сомов. Напрасно. От этого вам один только соблазн... Пользы никакой.

Мар. Павл. (*держит щеку*). Ты скоро?

Сомов. Лучше, мамочка, после, с глазу на глаз.

Мар. Павл. Не хочю после, сейчас (*подставляет*). Ну!

Воробьева. Целуйте, целуйте, Иван Кузьмич, – я посмотрю, как вы целуетесь.

Сомов. Обноковенно, – мудреного ничего нет (*целует*).

Мар. Павл. Сильней.

Сомов. И сильней можно (*целует*).

Воробьева. Браво, браво, Иван Кузьмич, вы очень хорошо целуетесь.

Сомов. Говорю, мудреного ничего нет.

Мар. Павл. Теперь и подарок можно показать.

Сомов. Ну, ну, зеркала, должно быть, на нос... с веревочкой.

Мар. Павл. Вот ты смеешься, а я тебе в следующий раз непременно куплю золотое пенсне.

Сомов. Утоплюсь.

Мар. Павл. Вот увидишь, если не купую.

Сомов. Помилосердствуй, матушка, они у меня и держаться-то не будут. Нос-то у меня какой... картошкой!

Воробьева. Напротив, у вас прекрасный нос – классический. Вам пенсне очень пойдут.

Мар. Павл. Да он разве понимает что-нибудь... Никакого вкуса... Но ничего, я его вышколю понемногу... у, косолапый!

Воробьева. Так его, Маничка, так, хорошенько. Я бы на твоём месте и бороду ему обрила. Оставила бы только вот тут испаньелочку.

Сомов. Попросту, кошачий хвост... Ха-ха-ха! Покорно благодарю.

Мар. Павл. (*вынимает из коробки цилиндр*). Ну-ка, муженек, примерь.

Сомов. Господи, цилиндра. Опомнись, матушка, ведь это только жулики носят. Честному христианину не подобает...

Мар. Павл. Ты надень, надень...

Сомов. Не надену я этой каланчи, хоть убей, а не надену.

Мар. Павл. А я говорю, что наденешь. Мы должны поздравить папу с днем рождения.

Сомов. Ну, что ж... И поздравим.

Мар. Павл. Без приличного костюма я не позволю к нему ехать. Я не хочу срамиться. У него будут его сослуживцы. Осудят, осмеют... Примерь, говорю.

Сомов. Ни примерять, ни надевать я эту дрянь не хочу и не буду. Надень его вон на Сидора... Сидор, ха-ха-ха! *(Сидор появляется в дверях)*.

Мар. Павл. *(Сидору)*. Прочь на свое место. *(Сидор скрывается)*. Ваничка, голубчик, не заставляй себя просить. Ведь это необходимо. Понимаешь ты – не об-хо-ди-мо.

Сомов. Не понимаю, ничего не понимаю.

Мар. Павл. Ах, какой бестолковый. Понимаешь – на тебя в обществе станут смотреть иначе.

Сомов. Вот потому и не надену, что мальчишки будут бегать вслед, в участок заберут... Нет, господь с нею – не надо.

Мар. Павл. Милый, дуся, Ваничка... Дорогой.

Сомов. И не приставай лучше, все одно не надену.

Мар. Павл. *(бросает шляпу)*. Гадкий!.. Противный, тиран! *(плачет)*.

Сомов. И ладно, ругайся... *(отворачивается)*.

Воробьева. Полноте, Иван Кузьмич. Разве можно так обижать жену? Она для вас хлопочет, старается, любит вас так сильно... а вы?! бог знает, как деспотически обращаетесь с нею. *(Поднимает шляпу)*. Возьмите, Иван Кузьмич. Право нехорошо. Стыдно быть таким упрямым... Наденьте. Ведь от этого вас не убудет. К вам он очень пойдет. И солидности больше и уваженья, Иван Кузьмич!

Сомов. Чорт, говорю, не приставайте.

Мар. Павл. *(рыдает)*. А я-то воображала, что он меня любит. Пошла за изверга, погубила свою молодость...

Воробьева. Иван Кузьмич!.. Это ни на что не похоже. Докажите, что вы ее любите. Сделайте это для нее. *(Марья Павловна истерически рыдает)*. Иван Кузьмич, опомнитесь... Так ее жизни на год нехватит... Маничка, милая, успокойся... Он погорячился... Он любит тебя... Стыдитесь, Иван Кузьмич! *(протягивает ему шляпу)*. Успокойте свою жену.

Сомов. Тьфу, давайте *(хватает и надевает шляпу)*. Ну, красиво?.. да?..

Воробьева. Ах, как чудесно. Маничка, Маничка! Полюбуйся, какой красавчик. Подойдите поближе, Иван Кузьмич... Чудесно!

Сомов (*подбоченясь*). На... смотри... ха-ха! Чего ж плакать то?

Воробьева. Мило, очень мило... Попросите прощенья, целуйте ручку.

Сомов. Что ж... и ручку можно поцеловать и по-французски можно заговорить... прудон, мадам, прудон. Теперь все можно-с... Пожалуйте ручку-с. Прудон-с (*целует*). Ха-ха!

Воробьева. Bravo, bravo, совсем джентльмен.

Сомов. А, ну, вас (*снимает шляпу, надевает картуз и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Марья Павловна и Воробьева.

Мар. Павл. Вот так всегда. Ни за что ничего не сделает, пока не заставит поплакать. Измучил меня вконец. Показаться никуда не могу с ним. Если б не отец, бросила бы его и бежала без оглядки... зачем только он выдал меня за этого пентюха...

Воробьева. Нет, Маня, что ни говори, а я тебе очень завидую.

Мар. Павл. Есть чему! Жить в одной берлоге с медведем...

Воробьева. Медведь да богатый и к тому же смиренный.

Мар. Павл. Положим.

Воробьева. Конечно, были бы деньги, а красавчика всегда можно найти.

Мар. Павл. (*зажимает ей рот*). Тсс... Профессорша идет.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Те же, Дуня и Володя (*проходят через сцену к средней двери*).

Дуня. Задачки непременно сделай, они не трудные... Ну, прощай, мой милый! (*целует его, Володя уходит*).

Воробьева. Подумаешь... Какие нежности.

Дуня. Ах, Надя, и ты здесь... Здравствуй... Иначе не могу... Я очень люблю своих учеников.

Воробьева. Охота. Они столько портяг крови, раздражают. Я, вон, с братишкой не могу заниматься. Только начнем, смотришь

и передрались: я его за уши, а он кусаться, царапать... Маме приходится разнимать.

Мар. Павл. И я терпеть не могу. Все мальчишки такие баловные, непослушные.

Дуня. Мои – нет, я ими очень довольна.

Воробьева. Значит, ты умеешь с ними.

Дуня. Уменья особенного не нужно. Их надо только любить.

Воробьева. Покорно благодарю. Истреплешь свое сердце на глушую любовь к детишкам, а потом, когда надо будет полюбить кого-нибудь по-настоящему, то смотришь и нечем.

Мар. Павл. А это верно.

Дуня. Совсем нет, мама. Кто не любит детей, тот не может любить никого.

Воробьева. Конечно, я не люблю такого... как Лаптев, например... Грязный, оборванный.

Дуня. Бедность – не порок.

Воробьева. А по-моему – порок.

Мар. Павл. Не собираешься ли ты выйти за него замуж?

Дуня. К сожалению, нет.

Мар. Павл. Что же вам мешает?

Дуня. Моя неопытность, нуменье трудиться.

Воробьева. Нищих не хотят плодить.

Дуня. Да, правда. Не хочу сидеть на шее мужа. Надо сначала поработать над собой, приучить себя к труду.

Мар. Павл. Что же ты собираешься делать?

Воробьева. Полы мыть, белье стирать...

Дуня. Да, если придется, то и это надо уметь...

Мар. Павл. Мило, очень мило! На что же тогда твое воспитание, восемь классов гимназии?

Дуня. На то, мама, чтобы правильно понимать цель существования человека.

Мар. Павл. «Правильно!» Значит, цель существования в стирке полов и белья.

Дуня. И в этом, мама, да, во всем, что не противно чести. Если мы не подготовлены к более серьезному труду, то даже и добросовестная стирка белья дает нам право на жизнь. Мы не должны

бояться труда. Напротив, должны всячески избегать безделья, которое сделало женщин несчастнейшими существами в мире. Через него мы потеряли понятие о чести... Мы не стыдимся всю жизнь сидеть на чужой шее... Не гнушаемся служить в лучшую пору нашей жизни приятным развлечением для наших мужей, а то даже и для целой сотни безнравственных кутил, – разницы никакой. Как то, так и другое гадко, пошло. Как то, так и другое имеет в основе позорное безделье.

Воробьева. Браво, браво! Ты, Дуня, настоящая актриса, – умеешь говорить с таким жаром. Недавно Горская в какой-то драме тоже так говорила... Стала вот так... Платье у ней атласное... вот здесь огромный бант... вытянула этак руку... повела глазами и как начала... Публика ее девять раз вызвала.

Дуня. За атласное платье, должно быть, за бант *(хочет уходить)*.

Мар. Павл. Ты не вздумай уходить куда-нибудь. Сейчас надо ехать к папе.

Дуня. Зачем?

Мар. Павл. Забыла? Надо, кажется, поздравить его с днем рождения.

Дуня. Да, да, правда... Но мне прежде надо побывать на уроке.

Мар. Павл. Урок подождет. Невелика важность раз пропустить.

Дуня. Нет, мама, я не могу.

Мар. Павл. А я говорю, что можешь. Кажется я жена твоего отца... мать.

Дуня. Ах, боже мой!

Мар. Павл. Нечего ломаться... Возьми вот это в свою комнату... там есть кое-что новое для твоего туалета... надень все.

Дуня. Я, мама, ничего не просила покупать, у меня все есть, что нужно.

Мар. Павл. Это уж позвольте мне знать, что вам нужно: я мать.

Дуня. Но это не дает нам право расточать трудовые гроши отца...

Мар. Павл. Что? расточать?! Да как ты смеешь? Я его законная жена и не имею права платья себе заказать? Должна отрепанной ходить...

Дуня. Я о вас не говорю, вы, может быть, и пошли-то за него ради этого.

Мар. Павл. А ты как думала?! Да-с, сударыня, вы не ошиблись. Я дворянка, и если и попала к вам, то только благодаря...

Дуня. Ради бога, мама, не говорите так.

Мар. Павл. Нет, я скажу, при всех скажу, и отцу твоему скажу, как ты меня попрекаешь его деньгами. Ты думаешь побоюсь? Мужичка! *(Дуня плачет)*. Да я плевать хочу на вас и на ваши деньги. Уйду к маме и тогда живите, как знаете... Не расточайте трудовые гроши отца...» Подумаешь, какая нерасточительная!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же и Сомов.

Сомов. Что такое? Что опять случилось?

Мар. Павл. Вон, спроси свою возлюбленную дочь. Попрекать начала твоими деньгами, расточительницей зовет. Из дому гонит... женой твоей не признает... *(плачет)*.

Сомов. Что?! Дуняшка!.. Шалить начинаешь? Смотри, девка, не моги! Она тебе мать, слышишь – мать! Ты это заруби себе на носу.

Мар. Павл. Я ее прошу одеваться... говорю – время ехать к отцу, а она не может, видите ли, на урок ей надо... да еще учить вздумала, дерзости говорит.

Сомов. Смотри, голубушка, кажется, я сам начну тебя учить. Не посмотрю, что ты десять лет в гимназию бегала. Мало, видно, чему научилась. Надо еще самому, по-свойски. Ну, отчаливай и одевайся во что велят... Живо *(Дуня сидит)*. Кому говорю? Хочешь, чтобы за косы... *(порывается)*.

Воробьева *(удерживает)*. Иван Кузьмич!

Дуня *(направляется к дверям)*.

Мар. Павл. Надя! Отнеси, пожалуйста, к ней.

Сомов. Зачем? Она сама... Не велика птица... Стой! *(Дуня останавливается)*. Забирай вот это *(кладет ей на руки картонки)*. Вот так-то будет лучше... Ну, гайда *(Дуня идет)*. Стой! Вот еще коробка.

Мар. Павл. Это от твоей шляпы.

Сомов (*швыряет коробку*). Чорт. И коробка-то заморская. (*Вслед дочери*). А уроков чтоб ты у меня больше никаких не имела. Я тебе свои буду давать. Слышишь?.. Так-то будет лучше.

Мар. Павл. Ну, Ваничка, теперь и тебе время одеваться.

Сомов (*почесывает затылок*). Э-эх... Была-ни была (*берет шляпу и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Мария Павловна и Воробьева.

Воробьева. Нет, он душка, просто душка твой Иван Кузьмич.

Мар. Павл. Помилуй, Надя, с такой девчонкой иначе ничего и не поделаешь.

Голос Сидора. Позвольте, господин, туда не ходите. Я сейчас доложу.

Мар. Павл. Сидор! кто там такой?

Сидор (*входит*). Барышню спрашивает тот самый господин, – да вот, что ходит к ним в шляпе.

Воробьева. Ах, Маничка, это должно быть Лаптев.

Сидор. Так точно, Лаптев. Так я прошу их обождать.

Мар. Павл. Зачем, пусть войдет.

Сидор. Он без калош, а на дворе грязно-с.

Мар. Павл. Да, да, правда... сегодня только мыли полы.

Воробьева. Ах, Маничка, ничего, пусть войдет – это очень интересно... зови его, Сидор.

Мар. Павл. Только ты попроси, чтобы он ноги вытер хорошенько.

Сидор. Слушаюсь (*хочет уходить*).

Мар. Павл. Постой, дай нам усесться. Мы его встретим, как настоящие аристократы.

Воробьева. А в самом деле, это очень интересно... Я буду сидеть вот здесь, вот так... ха-ха-ха!

Мар. Павл. Чудесно! А я вот так... Нет, вот так... Хорошо?

Воробьева. Восхитительно! Ха-ха!

Мар. Павл. Тс-с (*Сидору*). Зови! (*Сидор уходит. Пауза*).

Сидор (*за сценой*). Позвольте-с... Так нельзя... Потрудитесь обтереть ноги.

Лаптев. Пошел вон, невежа (*входит*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же и Лаптев.

Мар. Павл. (*вскакивает*). Нет-с. Вы невежа. В порядочный дом в грязных сапогах не вваливаются.

Лаптев. Виноват. Постараюсь больше никогда не переступить через этот порог. Простите. Вот эту книгу, будьте так любезны, передайте Евдокии Ивановне... А меня простите, простите великодушно... Простите (*кладет книгу на стол и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ XV.

Мария Павловна и Воробьева.

Воробьева. Ха-ха-ха! Какой он смешной (*копирует*). Простите, простите... Ха-ха-ха!

Мар. Павл. (*в двери*). Сидор! Посмотри за ним, а то он еще стянет что-нибудь... Мужик! Нищий, а тоже с амбицией. «Постараюсь больше никогда...» Бродяга! Даже злость берет.

Воробьева. Охота злиться. Вот мы лучше посмотрим, какую он книгу принес нашей профессорше (*берет книгу*). Ой-ой-ой, целый пуд... Мудреная, должно быть (*читает*) «Герберт Спенсер. Основания биологии». Хоть убей, ничего не понимаю. Основания какой-то би-оло-гии. Ты не знаешь, что значит биология?..

Мар. Павл. Беология... это... Ну, как тебе сказать? Это все равно, что диалогия, геология, социология... Словом, наука о бунтовщиках.

Воробьева. Ай-ай-ай (*бросает книгу на стол*). И вы ей позволяете читать такие книги?

Мар. Павл. Ничего, милая, не можем поделаться. Ты ей одно, а она тебе десять... Видела сегодня? На курсы просится. Говорю

мужу: отпусти! Не хочет. Проку, говорит, не вижу от ее ученья... И приходится терпеть.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Те же и Дуня *(в шляпе)*.

Воробьева. Ах, какая прелесть.

Мар. Павл. Ну, вот и мило и хорошо... это я люблю. Умница! *(Целует ее)*.

Воробьева. Какое перо, какой очаровательный бант! Как идет к тебе.

Мар. Павл. Однако, и мне надо привести себя в порядок... Я в одну минуту.

Воробьева. Кстати, и мне пора... Засиделась...

Мар. Павл. Пустяки, мы тебя подвезем.

Воробьева. Ни-ни-ни! Ни за что!.. Не люблю ездить. Прощайте... *(целует Мар. Павл.)*. До свиданья, душечка. *(Дуне)*. До свиданья.

Дуня *(холодно)*. До свиданья!

Воробьева. Удостойте хоть пожатия руки. Не хотите? *(напыщенно)*. Великое значение высокого назначения прогрессивных начал на арене великой общечеловеческой культуры и цивилизации... Ха-ха-ха! Дальше забыла... Прощайте! *(убегает)*.

Мар. Павл. Ха-ха! Стрекоза. Вот тебе пример, Дуняшечка, – веселая, добрая, послушная и за это всеми любимая *(уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Дуня *(одна)*. «Пример». Как тут с ума не сойти, когда самые близкие люди указывают тебе на эту бессодержательную куклу, как на пример, которому надлежит следовать, мало того, требуют подражать ему... Что они со мной делают? Неужели Лаптев прав? «Лучше, говорит, быть горничной, прачкой, чем дышать этой зараженной атмосферой». Зачем я такая несчастная? Нет, об этом надо хорошенько подумать *(видит книгу, которую принес Лаптев)*. А эта книга как сюда попала? Сидор, Сидор!

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Дуня и Сидор (*входит*).

Сидор. Что прикажете?

Дуня. Кто принес эту книгу?

Сидор. Господин Калошин.

Дуня. Какой Калошин?

Сидор. Тьфу. Не Калошин, а тот, что в шляпе.

Дуня. Лаптев?

Сидор. Да-с, Лаптев. Просили вам передать.

Дуня. Он сам принес?

Сидор. Сами-с.

Дуня. Почему он не зашел?

Сидор. Не схотели-с... Сапоги были грязны..., а барыня приказали их пообчистить.

Дуня. Как пообчистить?

Сидор. Известно как, тряпочкой, чтобы, значит, полы не пачкать.

Дуня. Попросту сказать, – выгнали, да?

Сидор. Гнать никто не шал, сами ушли-с.

Дуня. Ступай, больше ничего не надо.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Дуня (*одна*). Выгнали... И до него добрались. Единственный человек, с кем можно было побеседовать, и его выгнали... Спасибо, спасибо вам (*плачет*). Нет, придется, видно, последовать его совету... Господи, прости мне, но я не могу иначе, не могу придумать ничего лучшего. Бежать! Но как? Куда? Лаптев советует в Петербург... Надо поговорить с ним обстоятельно. Боже, подкрепи меня... Научи, я сама ничего не понимаю...

ЯВЛЕНИЕ XX.

Дуня, Сомов и Мария Павловна.

Сомов. Готовы.. Ну, господа благослови. Идемте (*берет Мар. Павл. под руку*). Сидор! (*Сидор входит. Сомов делает ему знак, по которому*

тот растворяет обе половины двери: по второму знаку выходит Дуня, за ней следуют супруги).

Сидор *(провожает их глазами)*. Барин, одно слово – барин.

Занавес.

 ДЕЙСТВИЕ 2-ое

Комната в квартире Суйковых.

ЯВЛЕНИЕ I.

(При поднятии занавеса на сцене нет никого. Раздается звонок. Суйков выбегает слева, жена его — справа. Он — в халате, в очках, с трубкой на длинном чубуке и тетрадью нот. Она — в цепце и фартуке, с засученными рукавами. Видят друг друга и останавливаются).

Евд. Ив. *(с нежным упреком).* Андрей Михайлович!

Суйков. Дуняшечка.

Евд. Ив. К лицу ли вам двери отворять? Может быть, женщина пришла наняться...

Суйков. А... да, да... легко, может быть... правда. Иди же, иди сама *(звонки)*. Какой нетерпеливый... иди же. Иди... *(Евд. Ив. уходит в средние двери)*.

ЯВЛЕНИЕ II.

Суйков *(один)*. Чистое наказание быть без прислуги. Бедная Дуняшечка совсем заработалась. На рынок ходит сама, готовит сама, комнаты убирает сама, посуду чистит сама, массажи мне делает сама... Все сама. Даже сердится, когда хочешь помочь ей, — такой характер!

ЯВЛЕНИЕ III.

Суйков и Евдокия Ивановна.

Суйков *(идет ей навстречу)*. Ну, что, душечка?

Евд. Ив. *(молча махнула рукой)*.

Суйков. Жилец?

Евд. Ив. А кто же?.. Лохматый...

Суйков. Художник?

Евд. Ив. «Художнику!» Какой он художник?! Проходимец какой-то, а не художник. Не признаю я таких художников, которые в срок денег не платят.

Суйков. Нет, душечка, ты так не говори. Деньги – это материя, а для искусства нужен талант.

Евд. Ив. Вы меня никак не хотите понять, Андрей Михайлович. На что мне его талант, когда он мне за квартиру не платит. У тебя все таланты: Мазиллов – талант, Перышкин – талант, Трубадуров – талант... Один только Светлов не талант, должно быть потому, что он аккуратнее всех.

Суйков. Ах, Дуняшечка, что ты говоришь? Прежде всего я сам артист и могу отличать артистов.

Евд. Ив. Этого мало, Андрей Михайлович. Надо отличать не одних артистов, но и жуликов между настоящими артистами.

Суйков. Дудуся, Дудуся! Что ты говоришь, подумай, что ты говоришь?!

Евд. Ив. Что знаю, то и говорю, Андрей Михайлович.

Суйков. Нет, ты сегодня расстроена, право, расстроена... Нервы не в порядке *(в передней звонок)*.

Евд. Ив. А не в порядке, так извольте сами отворять.

Суйков *(с упрёком)*. Дудуся!

Евд. Ив. Вот вам и Дудуся. Извольте отворять.

Суйков. К лицу ли мне, подумай сама.

Евд. Ив. К лицу, к лицу – вам это очень идет. Я тоже не наемная. У меня тоже душа: отдохнуть мне надо. Сил нехватает... измучилась вконец. Умереть не дадут спокойно... *(звонок)*.

Суйков. Иду, иду *(уходит в средние двери)*.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Евдокия Ивановна и Петр *(входит справа)*.

Евд. Ив. Что тебе?

Петр. Пришла какая-то мамзель наниматься.

Евд. Ив. Где она?

Петр. На кухне дожидается *(оба уходят направо)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Суйков и Перышкин *(входят из средних дверей)*.

Суйков. Некогда, некогда, господин Перышкин.

Перышкин. Да вы послушайте только вот это явление.

Суйков. Знаю, очень хорошо знаю: вы прекрасно пишете; но мне теперь некогда; Мазиллов рисует мой портрет; он сейчас придет. Приказал быть готовым. Я вас буду слушать вечером, а теперь не мешайте, – право, некогда *(хочет уходить)*.

Перышкин. Ну, хоть вот этот монолог.

Суйков. Ну, ладно, читайте! Только скорей *(во время чтения уходит налево)*.

Перышкин *(читает)*. Она... это прелестное создание, этот благоухающий цветок... Как она отуманила моего голову?! Каждое ее слово, улыбка, взгляд... Нет, я до сих пор не могу верить, чтобы в таком небесном образе скрывалось исчадие ада, чтобы в такой божественной улыбке змеилось смертоносное жало ядовитой гадюки, чтобы этот взор, как озеро, отражавший сияние луны, мерцание звезд и трели соловья, чтобы этот взор, как факел маяка, манивший усталого мореходца в туманную ночь; чтобы этот взор, горевший таким восхитительным огнем, был так полон коварства, лжи и ледяного бессердечия... О женщины, женщины! Бессодержательность ваше имя! У Шекспира сказано «ничтожество» – так чтобы не подумали, что я ему подражаю... Ну, как?.. Ушел?! Профан! Старый шут! Невежа! *(Идет и в средних дверях сталкивается с Мазилловым)*. Пардон! *(Уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Мазиллов *(со всеми принадлежностями живописи)*. Тю. Осторожней... Певец пернатый!.. Чуть муштабель не сломал... *(то навистывает, то напевает какую-то мелодию, расставляет мольберт, ставит на него подрамник. Придвигает к ним стул, кладет палитру, кисти, муштабель. Ставит посреди сцены круглый столик и накрывает его красным лоскутом)*.

Мазиллов *(зовет)*. Андрей Михайлович!

Суйков *(за сценой)*. Кто там?

Мазилов. Пора начинать.

Суйков. Ах, это вы, мусье Мазилов.

Мазилов. Он самый. Все готово, остановка за вами...

Суйков. Виноват, голубчик, виноват... сию минуту... Накину только верхнее.

Мазилов. Свет сегодня очаровательный.

Суйков. Неужели?

Мазилов. Дивный. Не надо только медлить.

Суйков. Да, да... Я сию секундочку. Ах, черт возьми, какой скандал!..

Мазилов. Что случилось?

Суйков. Шнурок оборвался.

Мазилов. Выходите сюда. Я вам помогу.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Мазилов и Суйков (*в красном плаще, широкой шляпе с пером, в цветных чулках и туфлях*).

Суйков. Вот видите, голубчик. Надо как-нибудь закрепить.

Мазилов. О, это пустяки, позвольте... вот так... вот... вот и все! Становитесь на место, помните позу?

Суйков. Еще бы (*становится у круглого столика*). Левая ступня – здесь; правая – здесь; левая рука – так; правая – так; глаза – туда.

Мазилов. Голову выше (*любуется драматической позой Суйкова*). Прекрасно. Так. Очаровательно... Стоять смирно! (*берет палитру*). Сосредоточиться на фразе: «Не подходи, преступница!»

Суйков (*делает энергичный жест и поет*). «Не подходи, преступница!»

Мазилов. Восхитительно! Начинаю (*пишет*).

Суйков (*после паузы, несмело*). Мусье Мазилов!.. Мусье Мазилов!..

Мазилов (*с упрёком*). Андрей Михайлович!

Суйков. Виноват, голубчик, заложило... Не могу дышать... Позвольте прочистить.

Мазилов. Ах, да сморкайтесь, только поскорей, – свет может измениться.

Суйков. В одну секундочку (*приводит себя в порядок*). Готово.

Мазиллов. Экспрессия не та.

Суйков *(поет)*. Не подходи, преступница!

Мазиллов. Не то.

Суйков (с большой энергией). Не подходи, преступница!

Мазиллов. Хорошо. Продолжаю (большая пауза).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Те же, Евдокия Ивановна и Дуня Сомова *(входят справа и видят только Суйкова, который ни на одну линию не изменяет позы)*.

Евд. Ив. Батюшки!..

Дуня *(тихо)*. Что это значит?

Евд. Ив. Андрей Михайлович! Андрей Михайлович! Андрюшечка... Голубчик... Андрюшечка... Цыпочка... *(Хочет дотронуться до него)*.

Суйков *(не изменяя позы, поет)*. Не подходи, преступница!

Евд. Ив. *(отскакивает)*. Батюшки! Он с ума сошел... (несмело). Андрюшечка! Папочка!.. Что с тобой? Ты меня не узнаешь? Ведь это я, твоя Дудуся... Ты присмотришь хорошенько... Узнаешь, милочка? Узнаешь, да? *(приближается)*.

Суйков *(так же)*. Не подходи, преступница!

Евд. Ив. Господи! Да что же это с ним приключилось? Милый мой! Ненаглядный мой. А я думала, что мы до старости доживем благополучно... Батюшки мои! Какая же я несчастная! Кто успокоит мою старость?.. Кто похоронит мое грешное тело? *(плачет)*.

Дуня *(тихо)*. Куда это я попала?

Евд. Ив. *(рыдает)*. Пропала моя головушка, пропала.

Суйков *(быстро изменяет позу)*. Нет, это чорт знает что такое! Всю душу вымотала... Разве можно при таких условиях позировать?.. Извините, господин Мазиллов, право не могу, в другой раз...

Мазиллов *(сердито кладет палитру)*. Какое варварство! Бросать на самом интересном месте.

Евд. Ив. Так вот оно что?! Ах, ты, маляр нечесанный *(с жатыми кулаками бросается на Мазилова)*. Шутки шутить, маскарады заводить.

Суйков. Опомнись, Дудуся, здесь постороннее лицо.

Евд. Ив. *(Мужу)*. Прочь безобразник!

Мазиллов. Успокойтесь, дорогая Евдокия Ивановна. Безобразного ничего нет: я по просьбе вашего мужа пишу его портрет.

Суйков. Правда, Дудуся, ей-ей, я сам просил... Он был так добр.

Евд. Ив. Ступайте и переоденьтесь сию минуту, бесстыдник.

Суйков. Дудуся...

Евд. Ив. Без возражений.

Суйков. Иду, иду... *(уходит налево)*.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Евдокия Ивановна, Мазиллов и Дуня.

Мазиллов *(поглощенный созерцанием Дуни)*. Недурна, чорт возьми, колоритна.

Евд. Ив. Ну-с! А вы, что же? *(Мазиллов не слышит)*. Послушайте, эй!

Мазиллов. Виноват, что вы сказали?

Евд. Ив. Забирайте свою хурду-мурду и отчаливайте к себе.

Мазиллов. Что-о-с? Какая такая хурда-мурда?

Евд. Ив. *(указывая на принадлежности живописи)*. Кажется, очень понятно. Потрудитесь... *(указывает на дверь)*.

Мазиллов. Во-первых, это не хурда и не мурда; во-вторых, они здесь никому не мешают, а в-третьих, я нанимал квартиру с прислугой, которая, если это так необходимо, и отнесет их в мою мастерскую. *(Дуне)*. Пожалуйста, милая, потрудись.

Евд. Ив. Во-первых, мой муж для вас не позировщик. Во-вторых, вы за квартиру не платите, а в-третьих, не имеете права командовать девушкой, которая к нам еще не поступила.

Мазиллов. Как? Неужели?! Виноват, ради бога, простите... Я думал... Извини, моя красавица, что я так преждевременно... Не сердись... Поступай к нам... У нас хорошо... Никто тебя не обидит... Народ все добрый... Не правда ли, Евдокия Ивановна? *(хочет взять за руку)*.

Евд. Ив. Отстаньте, пожалуйста.

Мазиллов. Что-о-с? «Отстаньте»! Я – артист, прошу у вас извинения, а вы «отстаньте»! Я, художник Мазиллов, ласкаюсь к вам, как

ребенок, а вы – «отстаньте»?! О женщины, женщины... Вы боитесь потерять каких-нибудь десять-пятнадцать рублей и оскорбляете благородное чувство артиста. Так, знайте же, я вам их найду. Да-с, Авдотья Ивановна, найду и швырну их к вашим ногам, как лоскутки негодной бумаги. *(В дверях показывается Суйков в халате)*. А потом, прощайте! Прощайте!.. Я вам больше не квартирант... *(Большими шагами уходит в средние двери)*.

Суйков. Ушел... Ой, ушел! Господин Мазилов!.. Господин Мазилов! *(бежит за ним)*.

ЯВЛЕНИЕ X.

Евдокия Ивановна и Дуня.

Евд. Ив. Ну, милая, если тебя не пугают проделки этих школьников, то поступай. Обязанности свои ты слышала: жалованья 6 рублей, на праздниках подарок... *(За сценой звонок)*. Должно быть, Светлов с урока, – пойди впустить... Подумай хорошенько *(уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Дуня *(одна)*. «Подумай хорошенько...» Чего тут думать? Убежала из дому... Деньги вышли... Просить у отца невысказано... Написала ему, чтобы он не беспокоился, что я занимаюсь уроками, хожу на курсы... Вот тебе и курсы! Хорошо, что запаслась мещанским паспортом, а то не знала бы, что делать. Ну, что ж, попробуем пожить горничной. Авось, как-нибудь перезимуем, а там, что бог даст...

ЯВЛЕНИЕ XII.

Дуня, Евдокия Ивановна и Светлов *(входят)*.

Светлов. Вы только извиняйте, Евдокия Ивановна, что немного просрочил.

Евд. Ив. Что вы, Николай Василч... Грех вам говорить... Прощу садиться.

Светлов (*достает деньги*). Благодарю вас. Вот вам за прошлый месяц, а вот за будущий.

Евд. Ив. Что вы, что вы, я никогда вперед не беру.

Светлов. Нет, вы возьмите, – пригодятся... Вам больше нужны, – возьмите. Что за церемонии, возьмите, Евдокия Ивановна.

Евд. Ив. Право, неловко... (*считает*). Николай Василич, да тут десять рублей лишних.

Светлов. И это я скажу на что, я получил место в гимназии княгини Долинской.

Евд. Ив. Голубчик, Николай Висилич! Как же я рада.

Светлов. Вот видите, и я рад, а всякую радость надо вспрыснуть, чтоб веселей было радоваться.

Евд. Ив. Милый мой! Извини, что я так просто...

Светлов. Напротив, я очень рад; я сам полюбил вас, как родную мать. Вот мы и отпразднуем нашу радость. Пригласим всех артистов... Напитки я уже взял, а вот что до закусок, так уж это вы, – вы лучше понимаете...

Евд. Ив. Господи! Такая неожиданность! Андрей Михайлович не нарадуется. Пойти рассказать, – он у Мазилова... Нет, вы сидите! Я сама, сама... (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Светлов и Дуня (*долго молчат, украдкой осматривая друг друга*).

Светлов (*тихо*). Какая симпатичная (*пауза*). Хотите поступить?

Дуня. Да-с.

Светлов (*тихо*). И голос приятный (*пауза*). Сговорились?

Дуня. Почти что.

Светлов. Первый раз?

Дуня. Первый-с.

Светлов. Как зовут?

Дуня. Дуняшка.

Светлов. Авдотья, значит... Так... Разве вы умеете работать?

Дуня. Умею.

Светлов. И вам будет не трудно?

Дуня. Работать никогда не трудно.

Светлов. Не думаю, — вы на вид такая... как изнеженная барышня.

Дуня. Такая родилась.

Светлов. Вот потому-то и говорю, что будет трудно. Вы грамотная?

Дуня. Да-с.

Светлов. Учились, где?

Дуня. В мещанской школе, а потом в городской.

Светлов. Вы мещанка?

Дуня. Да-с.

Светлов. Сирота?

Дуня. Отец жив, есть и мачеха.

Светлов. Злая? Ха-ха! Конечно, иначе зачем было бросать отца! Разве отец так беден?

Дуня. Я приехала, чтоб своим трудом...

Светлов. Ха-ха! Ну, дай бог, дай бог! Это очень похвально. У нас будет не скучно.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же. Суйков, Евд. Ив., Мазиллов и Перышкин.

Евд. Ив. Вот он, извольте поздравить его.

Суйков (*с расфростертыми объятиями*). Голубчик, Ни́колушка (*целует*). Поздравляю, от души поздравляю (*целует*).

Светлов. Благодарю, чувствительно благодарю...

Мазиллов (*тамно*). Сосед, поздравляю (*жмет руку*).

Перышкин (*с достоинством*). Сосед, поздравляю (*жмет руку*).

Светлов. Благодарю, от души благодарю.

Евд. Ив. Ну, нечего канитель тянуть. Выдвигайте стол, устанавливайте сервиз, а я с Дуняшкой сбегаю купить закусок.

Суйков (*суетится*). Прекрасно, прекрасно...

Светлов. Позвольте, Евдокия Ивановна, вы, кажется, еще не вполне покончили с нею...

Евд. Ив. И то правда, — забыла на радостях. Вот и суди о нас, моя милая, — теперь мы почти все налицо... Согласна ты?

Дуня. Согласна.

Суйков. Восхитительно!

Мазил. Чудесно!

Перышкин. Бесподобно!

Светлов (*смотрит на Душу*). Как она хороша, необыкновенно хороша!..

Занавес.

 ДЕЙСТВИЕ 3-ье

Кухня в квартире Суйковых.

ЯВЛЕНИЕ I.

Дуня Сомова и Петр сидят за столом. Петр читает, а Дуня поправляет его ошибки.

Петр. «И за-за-пряг-запря»...

Дуня. Надо говорить «запрет».

Петр. Запрет... «он сво-свою лолоша-ло-шадку... лошадочку».

Дуня. Не «лошадочку», а «лошадку».

Петр. Эх, Дуня! Ведь, это всё равно, что лошадочка, что лошадка. Суть-то, знамо, в том, что жена таки заставила поехать старика..: А злая, видно, баба была... Так, кажись, и задушил бы ее.

Дуня. Ты читай, читай...

Петр. Чего читать... Право, Дуняха, теперь про злых и читать-то не хочется.

Дуня. Что так?

Петр. А господь его знает... Растолковать себе не могу... Мне бы теперь про самых добрых, да ласковых людей читать надо... Сердце к ним лежит и поучиться от них хочется добру-то ихнему.

Дуня. И здесь есть добрые люди. Разве старик не добрый?

Петр. Оно так... Да все же он старик, а старику и бог велел быть добрым. А вот, если бы про девку, да, примерно, она к парню-то добра бы была, и ласкала бы его... А он бы, значит, перед ней всю душу развернул и обнял бы ее, а она не то, чтобы рассерчать, а сама бы его поцеловала... и пошли бы они под венец и зажали бы вдвоем, как голубки... Он бы работал, да так бы работал, чтобы ни в чем недостачи не было... А она бы жила барыней и только бы любила своего мужа... И как бы хорошо было... Как хорошо!

Дуня. Да, недурно... И такую книжку можно будет достать...

Петр. Не достанешь ты, Дуняша, не достанешь такой книжки, где бы все это в точности было написано, как оно взаправду бывает,

не достанешь... Нельзя написать на бумаге, что накапливает на душе, как сердце на части рвется от этой самой, значит, любви... Э! Да что и толковать!.. В душу-то чужую, чай, трудно заглянуть (*отпускает голову*).

Дуня. Что с тобой, Петя? Ты сегодня какой-то особенный.

Петр. Не сегодня, Дуняшка, а вот почитай целый месяц хожу, как отуманенный. Голова не своя стала... Душа изболела... Работать не могу... В доме на меня, как на помешанного глядеть стали... Со мной говорят, а я ничего не слышу... Отказать могут. Так бы, кажись, вышел на Неву, да с моста, самого Литейного, – в воду.

Дуня. Что ты, что ты? Господь с тобой, Петя! Грешно так думать. Ты парень молодой... Тебе только жить, да поживать...

Петр. Легко сказать жить, да поживать! А когда божий свет кажется тебе немилым и самого себя пужаться начинаешь, что тогда?

Дуня. Отчего же все это, отчего?

Петр. А вот от того самого... Прощай!

Дуня. Прощай, но только будь панька, не думай так, брось, право будет лучше.

Петр. Эх, девка, легко тебе говорить. А вот я так думаю по-другому. Пойду-ка я сейчас в трактир, да там под музыку, значит, графинчик... другой... вот и не стану думать, – не так ли?

Дуня. Тогда не показывайся ко мне, и учить не стану.

Петр. И ладно, глупее будем, а это нашему брату одно спасенье. Прощай (*хочет уходить*).

Дуня. Петя!

Петр. Ну?

Дуня. Не ходи, ты, милый, в трактир, не ходи... я тебя прошу. Если хоть чуточку любишь меня – не ходи.

Петр. «Чуточку»! Не чуточку, а во как... (*хочет обнять*).

Дуня (*отступает*). Что ты, что ты!..

Петр. Эх, Дуняша!.. Прощай (*быстро уходит*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Дуня (*одна*). Вот тебе и грамота. Этак парня загубить можно... Влюбился... Что мне теперь с ним делать? Чудак! И жаль его и самой

неловко пред ним. Как это глупо, – получила кой-какое образование и уже ничего не имею общего с народом... Вот и здесь: два месяца каких-нибудь, а уж надоело. Не будь Светлова, бежала бы. Какой он славный... Так бы и сидела около него... Ха-ха-ха!.. Горничная влюбилась в своего барина... Роман... Нет, надо бежать, а то, чего доброго, хандрить начнешь и, как Петр о Неве замечтаешь... Ну, их!.. Не надо!.. *(видит входящего Светлова)*. Ах, это он!..

ЯВЛЕНИЕ III.

Дуня и Светлов *(входит и торопливо ищет что-то)*.

Светлов *(тихо)*. Чорт знает, объяснить не могу, что со мной делается, когда ее вижу, то в холод бросает...

Дуня. Что вы ищете?

Светлов *(не смотрит на нее)*. Я... сапоги... надо ж их... Вы не знаете, где сапожные щетки?

Дуня. Вам щетки? Они вот...

Светлов. А... благодарю вас *(хочет взять у нее)*.

Дуня. Позвольте я вам почищу...

Светлов. Нет, что вы?! Благодарю вас... я сам *(хочет взять)*.

Дуня. Мне удобней... Вы поставьте ногу на табуретку – я мигом...

Светлов. Нет, позвольте... Я не люблю... позвольте.

Дуня. Вы руки запачкаете.

Светлов. Так что же? Помою.

Дуня. Право, мне удобнее.

Светлов. Ни-ни-ни! Ни-за-что. Я сам. Позвольте *(берет щетки)*. Разве можно? Я еще не настолько стар *(чистит)*. К тому же вы дама, а я – кавалер... Неудобно... Неприлично совсем... Вот видите, как я живо... Другой и лаком так не покроет... Ну, вот... один есть. Явлюсь в гимназию – все ученицы заглядятся на мои сапоги.

Дуня. Как бы на вас самих не загляделись.

Светлов. О нет... Не думаю...

Дуня. Отчего?

Светлов. Так... мало интересного во мне... медведь, вахлак... а такие девицам не по вкусу... не любят.

Дуня. Не скажите... Сердце девичье своенравно...

Светлов. Полюбит и медведя? Ха-ха!

Дуня. И полюбит.

Светлов. Ну, вот и другой готов (хочет уходить).

Дуня. Вы уходите?

Светлов. А что?

Дуня. Так... В гимназию пойдете?

Светлов. Да, в гимназию.

Дуня. А далеко эта гимназия?

Светлов. Далеко... На Знаменской.

Дуня. Пешком пойдете?

Светлов. Да пешком (*хочет уходить*).

Дуня. У вас там много учениц?

Светлов (*возвращается*). Учениц... Да, много.

Дуня. Счастливы они...

Светлов. Чем?

Дуня. Так... Учатся себе...

Светлов. Ведь и вы учились,

Дуня. Я что?.. Я мало училась.

Светлов. Хотели бы еще?

Дуня. Кто же не хочет?.. Учиться всякий хочет.

Светлов. Угодно, – я вас буду учить?

Дуня. Как можно, вы и так устаете.

Светлов. Это ничего. Мы будем заниматься по вечерам, когда я свободен и у вас меньше возни. Вам еще не надоела эта возня? Чай, бежать готовы, да?

Дуня. Нельзя сказать. Каждый день только все одно и то же.

Светлов. Да, не занимательно. А жильцы, артисты наши... пристают, поди? Вы их гоните без церемонии. Это народ такой... Нечего с ними деликатничать.

Дуня. Как можно? Они господа, а наше дело простешкое.

Светлов. Так что же?

Дуня. Господам нельзя грубостей говорить.

Светлов. А господам все можно делать, да?

Дуня. Должно, коли так водится.

Светлов. Вы, Авдотья, пожалуйста, не смотрите на то, как водится. На это есть свои законы: кто не умеет быть вежливым, тот

дает полное право обращаться с ним так же грубо. Нужды нет, что они господа. И в чем это их господство? В безнаказанном оскорблении слабой, беззащитной девушки, да? Нет. Авдотья, истинно благородный человек не должен себе позволять этого. Я давно слежу за ними... и пусть они не воображают, что с вами можно делать все потому только, что вы горничная (*Дуня плачет*). Ну, вот, видите, какой я медведь... Хотел ободрить... утешить... а вы в слезы... Услужил!.. Согнал, значит, муху, перестаньте. Право, я себе никогда не прощу этого... Довольно, Авдотья. Вы сделаете то, что я больше не скажу с вами ни одного слова. Дуня! Дуняша!

Дуня. Я не плачу... идите... а то опоздаете в гимназию.

Светлов. Не плачьте... А посмотрите мне в глаза... посмотрите-ка... посмотрите...

Дуня (*прячет лицо*). Право, опоздаете.

Светлов. Вы и будете виноваты... Посмотрите мне в глаза и пойду... Дуня... Ну... Сюда... вот так... (*отнимает ее руки от лица*) а... плутовка... вон, вон еще одна слеза катится... ха-ха-ха!

Дуня. Оставьте... я не плачу...

Светлов. Ну, так и быть. Теперь оставляю. Прощайте.

Дуня (*не смотрит*). Прощайте.

Светлов. Разве так прощаются? Вы улыбнитесь, протяните мне руку и скажите ласково: до свиданья, мол, Ни́колушка.

Дуня. Я так не могу.

Светлов. Отчего?

Дуня. Не смею... Вы барин, а я...

Светлов. А вы горничная... да? Ха-ха-ха! Горничная. Правда, правда... Прощайте, а то действительно опоздаю, получу выговор от ее сиятельства. Барин! (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Дуня (*одна*). Неужели он обиделся?.. Умно нечего сказать, – «Барин!» Нет! Довольно ломать комедию. Я ему открою все... Быть может он оценит мое чувство... Господи, зачем я с ним встретилась? Не знала его – не думала о нем... а теперь?! Ничего не понимаю... (*задумалась*). Ха-ха-ха! К Неве потянуло... умереть.

ЯВЛЕНИЕ V.

Дуня и Перышкин *(боязливо заглядывает из дверей и когда видит, что Дуня одна, входит смело)*.

Перышкин. Дунетта, ты одна?

Дуня. Нет, теперь нас четверо: вы, да я, да нас двое.

Перышкин. Шутница, ты, моя шаловливая муза право, шутница...

Дуня. Когда вы перестанете называть меня такими мудреными именами?.. Какая я вам муза? Я – Авдотья, а не муза... выдумали «муза»!

Перышкин. Очаровательно! Это детское непонимание способно вдохновить бездушное бревно, пень, не то, что истинного поэта, – очаровательно!

Дуня. Ничего тут очаровательного нет. Говорю, как понимаю.

Перышкин. Это и хорошо. Больше этого и понимать не следует.

Дуня. Ой ли? Сами-то, чай, больше понимаете.

Перышкин. Ну, да, конечно. Но ты этого не желай, моя очаровательница. Это и счастье и несчастье наше. Мы, артисты, художники и в особенности поэты призваны учить темный люд, проповедывать ему с высоты Парнаса великие общечеловеческие принципы. Мы для этого запасаемся самоотвержением, берем жало мудрыя земли и глаголом жжем сердца людей. Это наш долг, это наше счастье. Но вот и наше несчастье: грубое и невежественное человечество гонит нас из города в город, проклинает, побивает камнями, бичует, подвергает колесованию, сжигает на костре.

Дуня. А вы все оживаете?

Перышкин. Наивно, но очень метко. Да, моя цыпочка, мы именно оживаем. Дух, живущий в нас, не умирает никогда: переходит из поколения в поколение, развивается, крепнет и создает такие имена, как Шиллер, Байрон, Гете, Пушкин, Лермонтов...

Дуня. Ничего-то я не понимаю. Вы уж об этом духе с кем-нибудь другим потолкуйте-сь. А наше дело комнаты убирать и господам сапоги чистить, вот наше дело.

Перышкин. Нет, ты призвана быть музой, моя восхитительница.

Дуня. Какая там муза! Говорю – горничная, а вы все – муза да муза. Я даже не понимаю.

Перышкин. А вот слушай, я тебе объясню. Муза... Муза... Это, понимаешь ли ты – это мифическое божество, женщина или девушка, незримо витающая около поэта, вдохновляющая, поющая ему поэтические песни.

Дуня. Постойте, постойте! Разве я когда-либо пела вам какие-либо песни?

Перышкин. Конечно, конечно, Дуняшечка, каждую ночь я только тебя и слушаю.

Дуня. Господь с вами – я сплю всегда очень спокойно, никогда не пою.

Перышкин. Не ты, а образ твой.

Дуня. Ха-ха-ха! Вы, барин, кажется, нездоровы.

Перышкин. Здоров я, моя упоительная муза, здоров... Но ты так наивна, что не можешь понять меня... Но тем лучше, тем выше моя награда. Я мало-помалу растолкую тебе.

Дуня. Нет, уж вы лучше кому-нибудь другому толкуйте, а я все равно не пойму.

Перышкин. Муза! Что ты говоришь? Разве тебе не хочется быть образованной, умной?

Дуня. Коли все будут умны, то и сапог некому будет чистить.

Перышкин. Нет, муза, ты сегодня особенно грустно настроена.

Дуня. Что делать, хлопот много, жалованье небольшое, а жильцы скупые – ни от кого полтинника не дождешься.

Перышкин. Муза! Какой материализм! Фи! Разве стихи, которые я тебе посвящаю, не выше, не дороже полтинника?

Дуня. Песни-то! Ха-ха-ха! А что за них дадут? Небось, если бы за такие прибаутки платили деньги, вы бы не сидели без сахара.

Перышкин. Фи! Какая мелочность! «сахар»! Что такое сахар? Сахар пустое. Я не для сахара пишу. «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». Наша награда – любовь! Дунетта! Неужели ты никогда не любила?

Дуня. Как не любила? Отца, мать всегда любила.

Перышкин Не-ет, не то... а молодца какого-нибудь... молодого, красивого...

Дуня. А где его взять такого красавчика?

Перышкин. Ну, не красавчика, так все же молодого, умного.

Дуня. Нет и такого.

Перышкин. А ты осмотрись, а? Осмотрись-ка хорошенько, может и есть, а?.. Дуняшечка... а?

Дуня. Ха-ха-ха! Не вы ли?

Перышкин. А что?.. Разве я не того? Разве меня нельзя любить?

Дуня. Не к лицу вам, барин. Ведь замуж все равно не возьмете.

Перышкин. Какая проза – замуж. Зачем замуж? Ведь так лучше, поэтичнее, а? Право. Полюби-ка, а? Уж как я тебя ласкать буду... Ведь ты у меня одна, моя очаровательная музочка... (*хочет обнять*).

Дуня (*обрывает смех*). Барин. Говорить-то я вам запретить не могу, но рукам воли не давайте.

Перышкин. Что ты, Дуняшечка?.. Ты сердисься?.. Ведь я пошутил, право пошутил... Я больше не буду... ей-ей. Вот послушай, – я тебе свои стихи прочитаю... Все для тебя пишу... Слушай (*читает*).

Люблю я страстно твои глазки,

Твой нос и алые уста.

Безумно жажду твоей ласки.

Любовь моя, как кристалл, чиста...

И ты чиста, в том нет сомненья,

И ты добра – то знаю я,

И ты мила – мое то мнение...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те же и Мазиллов (*во время чтения показывается в дверях*).

Мазиллов (*доканчивает стих*). Но ты цветешь! не для меня... Ха-ха-ха!

Перышкин (*тихо*). Проклятый маляр.

Мазиллов. Странное дело, сосед, вы кажется, все свое вдохновение почерпаете на кухне, как не придешь – вы тут, как тут.

Перышкин. Ничего нет странного, я хожу сюда по делу.

Мазиллов. Полноте, разве я не знаю, по какому делу?.. Дуняшке стихи читаете, пленить хотите девку, – плохая политика. Она, ведь, вас не поймет.

Перышкин. Я, право, удивляюсь, мусье Мазиллов, вы человек образованный, а позволяете себе думать, бог знает, что.

Мазиллов. Ладно! Знаем мы вас, пернатых певцов. Чай, музой зовете девку, на Парнас приглашаете, а? Не так ли, Дунька, – он еще не называл тебя музой?

Дуня. Они меня по другому и не зовут. Все муза да муза.

Мазиллов. Ха-ха-ха!

Перышкин. Ничего нет смешного, и я просил бы вас быть осторожней.

Мазиллов. Ха-ха-ха! Ну, какая она вам муза? Опомнитесь, баян вы сладкострунный. Она, поди даже и не понимает этого слова. Не так ли, Дуняшка? Знаешь ты, что это за птица муза? Ха-ха-ха!

Перышкин. Глупо, очень глупо. Дуня, поставь самовар.

Мазиллов. Что?! Самовар?! Ха-ха-ха!

Перышкин. Ну, да... самовар.

Мазиллов. Полно, дорогой сосед. Ведь у вас *(поет)*... «Нет ни сахару, ни чаю...»

Перышкин. Не беспокойтесь, у вас не попрошу.

Мазиллов. Увы, если бы и попросили, так я, все равно, не мог бы с вами поделиться, так как я, даже забыл, какого они цвета. А знаете, что я вам скажу? Бросьте свою поэтическую спесь, перестаньте сердиться, дайте мне вашу руку в знак неизменной дружбы, и я вас посвящу в предприятие, которое через два дня обогатит нас, как братьев Нобель... Ну!

Перышкин. Сомневаюсь.

Мазиллов. Я ставлю голову.

Перышкин. Говорите, говорите...

Мазиллов. Нет, вы дайте руку, что готовы помочь.

Перышкин. Извольте! Чем могу... *(дает руку)*.

Мазиллов. Прекрасно! Теперь слушайте. У вас, я знаю, есть поношенные брюки...

Перышкин. Это совсем не остро! Поношенные! Какое вам дело, что поношенные?!

Мазиллов. Пойдите. Вы не скипидарьтесь. Выслушайте до конца. Вот эти самые брюки возьмите и продайте татарину.

Перышкин. Говорю, не остро!

Мазиллов. Я и не думаю острить.

Перышкин. И к чему эти глупые шутки?.. Я еще не дошел до того, чтобы продавать свои брюки.

Мазиллов. Ах, любезный сосед, вы меня совсем не хотите понять. Это нужно для нашего предприятия. Вы только слушайте. Продадим брюки, получим деньги, найдем натурщицу и сварганим картину...

Перышкин. Мне-то что? Натурщица нужна вам – вы и продавайте свои брюки.

Мазиллов. У меня их нет... Понимаете, у меня – одни, единственные и то, смотрите... *(слегка поднимает фалду)*. Ну? Надо, значит, ваши брюки... Я напишу этюд, отнесу его к Дациаро, к Авансо или к какому-нибудь другому до-ля-со и получу денежки, понимаете – денежки? Половина – вам.

Перышкин. Вот что?! Ха-ха-ха!.. Bravo! Гениальнейшая мысль! Руку, товарищ!

Мазиллов. А натурщица у нас есть, какую поискать во всем Петербурге. Дуняша, наверное, согласится за полтинник в час.

Перышкин. И то правда.

Мазиллов. Выручай, брат, Дуняша. Я с тебя такую «минуту неги» отвалаю, что любой барышник даст радужную.

Перышкин. Милая Дуняшечка, музочка моя, согласись за полтинник.

Дуня. Что такое? В толк не возьму.

Перышкин. Худого ничего. Ей-ей ничего. Посидишь часик – другой у Мазилова на кровати, распустишь волосы, закинешь этак одну руку, а другую как-нибудь иначе... будешь смотреть томно, томно, – ну, словом, в потолок или на отдушник.

Мазиллов. Объяснил! Ничего этого не надо.

Дуня. И я так думаю, барин, что ничего этого не надо.

Мазиллов. Нет, Дуняша, ты выслушай меня. Ты будешь сидеть как есть.

Дуня. И не говорите, барин, я – ни за что.

Мазиллов. Глупая! Ты подумай только. Ну, что в этом дурного?

Перышкин. Конечно, Дуняшечка. Ну, что в этом дурного? Да что с нею толковать? – она согласится. Разве моя муза, может нам отказать в этом? Она у меня такая добрая.

(Голос татарина за сценой – халат, халат!).

Перышкин. А вот, кстати, и князь, – чувствует гололобый поживу *(зовет в окно)*. Эй, халат. Комен зи гер! Князь! Сюда, сюда! Идет, рад, басурманская душа, ухмыляется... Ну, вы потолкуйте еще, а я ему товар приготовлю *(быстро идет и в дверях сталкивается с Евдокией Ивановной)*. Пардон, Евдокия Ивановна *(уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Дуня, Мазиллов и Евдокия Ивановна.

Евд. Ив. *(вслед Перышкину)*. Комедиант! *(видит Мазилова)*. А... художник. Здравствуйте! Как здоровье?

Мазиллов. Мерси.

Евд. Ив. Как дела?

Мазиллов. Плохо-с... Дуня, самовар.

Евд. Ив. Извините, господин художник, ей некогда, она пойдет со мной в участок. Надо попросить полицию очистить мою квартиру от некоторых господ.

Мазиллов *(тихо)*. Ладно, знаем мы эту полицию. *(Дуне)*. Как только закипит – неси!

Евд. Ив. *(Дуне)*. Что же ты стоишь? Одевайся.

Мазиллов. Если через четверть часа он у меня не будет на столе, я завтра же схожу с квартиры.

Евд. Ив. Что-что? *(загораживает ему дорогу)*. Не-т-с, постойте! Вы так не уйдете... Вы должны расплатиться, милостивый государь, господни художник...

Мазиллов. Позвольте! *(уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Евдокия Ивановна и Дуня.

Евд.Ив. Да что же это такое?! (*вслед*). Да как ты смеешь, нестриженная грива? Кто тебе позволил? И это жильцы?! Это халдеи какие-то, а не жильцы.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и казанский татарин с узлом.

Евд. Ив. Ты еще зачем?

Татарин. Здравсти, барина (*снимает узел и шапку, на голове остается ермолка*).

Евд. Ив. Зачем ты пришел, спрашиваю? Кто тебя звал? (*Дуне*). Ты, что ли?

Дуня. Никак нет, бариня.

Татарин. Уф, пят иташ... очен умарил...

Евд. Ив. Какой-чорт тебе велел подыматься на пятый этаж? Кому ты нужен?..

Татарин. Ну, харашо, харашо, барушка-сударушка. Неси, что есть палто-малто, хабур-чабур.

Евд. Ив. Убирайся вон, тебе говорят. У меня отродясь никто ничего не продавал татарину... Для старья есть благотворительные общества... Убирайся.

Татарин. Что такой – убирайся!.. Меня позвал пят иташ. Разва можно... Бог нет... что ли?

Евд. Ив. Ну, ну, довольно, чох-мох не знаю, а вот тебе порог и гайда по добру, по здорову.

Татарин. Идом, идом, небос... копооглы (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Евдокия Ивановна, Дуня, Перышкин.

Евд. Ив. Ишь, татарская лопатка, еще огрызается... «Оглы, оглаь». Шут гололобий.

Перышкин (*вбегает с брюками*). Где же он? Ушел. Ах, Евдокия Ивановна... (*прячет брюки за спину*).

Евд. Ив. А-а. Так это вы призывали татарина?

Перышкин. Я?— Что-с? Какого татарина?

Евд. Ив. Вы, вы! Я знаю, что вы.

Перышкин. Виноват... пардон-с... Я не понимаю-с.

Евд. Ив. Кого же вы ищете? Ну, кого?

Перышкин. Я-с?.. Никого... Я к Дуняшке... Дуня, самовар.

Евд. Ив. М-м... и вам самовар?

Перышкин. Необходимо. Пишешь, пишешь... Голова, грудь, спина... Трудно, очень трудно...

Евд. Ив. Бедненький.

Перышкин. Что делать, Евдокия Ивановна? Труд – наше призвание, наш крест...

Евд. Ив. Конечно, конечно... Так вам самовар?.. Сейчас, господин Перышкин, сейчас, сию минуточку...

Перышкин. Мерси-с.

Евд. Ив. Нет, это выше сил моих. Какой такой самовар, позвольте вас спросить?

Перышкин. Самовар... Ну, да, самовар...

Евд. Ив. А деньги?

Перышкин. Деньги?.. Как деньги?

Евд. Ив. И он еще спрашивает? Да что вы с ума посходили. Русского языка не знаете... В жулики записались? В гроб меня хотите вогнать. Грабить хотите, удушить, зарезать (*наступает*).

Перышкин (*пятится к дверям*). Пардон... нет... виноват... пардон... (*убегает*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Евдокия Ивановна и Дуня.

Евд. Ив. Нет, это невозможно. Этак с ума можно сойти... (*за сценой слышны отрывочные звуки корнета, Дуня хохочет*). А ты чего скалишься? Местом не дорожишь? Кому я говорю?.. И ты с ними за одно: шутки шутить задумали со мной.

Дуня. Право, барыня, я... (*корнет, Дуня хохочет*).

Евд. Ив. Да как ты смеешь, противная девчонка *(наступает)*. Над кем ты смеешься? Говори, над кем?

Дуня. Не над вами, барыня, ей-богу.

Евд. Ив. Над кем же, ну, говори! над кем? *(звучи корнета)*.

Дуня. Вон, слышите?

Евд. Ив. Ну так что же?

Дуня. Ну, вот он... зовет.

Евд. Ив. Кто зовет? Кого зовет?

Дуня. Все он же, трубач, зовет меня.

Евд. Ив. Откуда ты выдумала, что он тебя зовет? Он у себя в комнате трубит, а ты говоришь зовет.

Дуня. Зовет, барыня, право зовет *(корнет)*. Слышите, слышите? «Ту-ту, ту-ту, ту-ту», это значит – Ду-ня, и-ди сю-да.

Евд. Ив. Что ты врешь?

Дуня. Ей-богу, барыня, значит, – я не вру.

Евд. Ив. Господи! Полковые сигналы завели. Батальонное ученье!.. Содом и Гоморра! *(корнет у самых дверей)*. Батюшки. Идет... Сюда идет *(отходит в угол и закрывает уши)*.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же и Трубадуров *(не замечает Евдокию Ивановну, подходит к Дуне и извлекает 6 отрывочных звуков)*.

Трубад. Как это перевесть?

Дуня *(смеется)*.

Евд. Ив. *(про себя)*. Что же это такое?

Трубад. *(Дуне)*. Отвечай. *(Дуня хохочет)*. Забыла? Ну... *(трубит)*.

Евд. Ив. *(про себя)*. Милостивый боже. Чем я провинилась?

Трубад. Ту-ту, ту-ту, ту-ту!

Евд. Ив. *(про себя)*. За что такое испытание?!

Трубад. «Ду-ня, по-ди сюда». Ах, ты мой пикольчик *(хочет взять за подбородок)*.

Евд. Ив. *(грамко)*. Милостивый государь!

Трубад. Ах, Авдотья Ивановна! Добрый день.

Евд. Ив. Вы нахал, милостивый государь.

Трубад. Фи, дорогая Евдокия Ивановна, такие выражения.

Евд. Ив. Вам чего здесь нужно? Зачем вы пришли сюда?

Трубад. Успокойтесь, мия кариссима, успокойтесь. Вы женщина воспитанная – вам не идет. Будьте мелодичны. Музыка вашего голоса много выиграет от этого. Верьте мне – я знаток в этом деле. *(Дуне).* Евдоха, самовар.

Евд. Ив. Что? И вам самовар?

Трубад. Нельзя, мия кариссима, нельзя. Вместо завтрака полезно выпить стаканчик, другой чайку... Не правда ли? ха-ха.

Евд. Ив. Полезно или нет, но вы самовара не получите...

Трубад. Ха-ха-ха! Вы сегодня очень забавны. Веселость к вам идет. При вашей комплекции это нечто вроде фантазии Шуберта... право... *(Дуне).* Ха-ха! Поторопись, моя очаровательная флейта *(хочет взять за подбородок).*

Евд. Ив. Милостивый государь!

Трубад. Что прикажете, мия кариссима?

Евд. Ив. Вы забываете, что перед вами благородная дама.

Трубад. Ха-ха! А вы чудесная хозяйка! У вас живется, как в раю. Я никогда не уйду.

Евд. Ив. Что?

Трубад. Клянусь, вы мне очень нравитесь.

Евд. Ив. Вы нахал, милостивый государь.

Трубад. Эх, Евдокия Ивановка. Это очень грубо, грубо, очень грубо.

Евд. Ив. Не платите за квартиру, выживаете жильцов...

Трубад. Не беспокойтесь – они не уйдут...

Евд. Ив. Тираните прислугу, оскорбляете благородную даму.

Трубад. Пардон, миль пардон! Я прошу извинения.

Евд. Ив. Я вас не прошу.

Трубад. Это не великодушно *(садится).*

Евд. Ив. Я вам докажу... Вы узнаете, с кем имеете дело... вы...

Трубад. Говорите, говорите, я вас слушаю *(трубит).*

Евд. Ив. У меня есть муж... Он объяснится с вами, а я стыжусь разговаривать с таким нахалом *(уходит).*

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Трубадуров и Дуня.

Трубад. Ха-ха-ха! Давно бы так. Ну-е, мой пикольчик, отвечай, почему ты не пришла на мой сигнал, ну? Вот за что тебя надо наказать (*хочет обнять*).

Дуня. Барин, будьте осторожней.

Трубад. Чего бояться? Она больше не придет.

Дуня. Не она, а я вам говорю.

Трубад. Ты? Ха-ха-ха! Ах, ты мой пикольчик (*Хочет обнять*).

Дуня. Я вас прошу не оскорблять меня.

Трубад. Что? Да ты серьезно?

Дуня. Времени нет с вами шутить, надоело...

Трубад. Ха-ха-ха! Так ты не шутишь, моя очаровательная флейта?

Дуня. Да, не шучу.

Трубад. (*наклоняется к ней*). Не шутишь?

Дуня. Говорю, нет.

Трубад. (*целует*). На же тебе за это! Ха-ха-ха!

Дуня. Негодай, нахал! (*Плачет*).

Трубад. Ругайся, теперь ругайся сколько хочешь. Ха-ха-ха! Вот видишь и я не шучу. Скажите, пожалуйста. Обидели! Ньюни распустила! Ну, девка. Другая бы на ее месте сама поцеловала меня, а она плакать вздумала. Глупенькая, право слово, глупенькая! Совсем ничего не понимает... (*трогает за плечо*). Эй, пикольчик. Будет тебе...

Дуня. Негодай!

Трубад. Ха-ха-ха!

Голос Суйкова. А где он, где? Подать мне его... подать сейчас же...

Трубад. Ого, оскорбленный супруг. Чего доброго на дуэль вызовет. Нет, шалишь – я мигом укрошу тебя... (*садится на табуретку и играет фрию*): «Не плачь, дитя, не плачь, напрасно».

Голос Суйкова. Подайте мне его, где он?

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же и Суйков.

Суйков *(при звуках корнета останавливается у дверей и начинает петь. Трубадуров продолжает играть, вдохновляется. Суйков со сценическими жестами приближается к Дуне, поднимает над ней руки и с увлечением старается воспроизвести арию).*

ЯВЛЕНИЕ XV.

Те же, Евдокия Ивановна и Светлов *(в дверях)*.

Евд. Ив. И это муж? Это защитник супружеской чести? *(громко)*. Андрей Михайлович! Андрей Михайлович!

Суйков. А?!.. Дудуся...

Трубад. Ха-ха-ха! Вот вам и опера. За вход ничего не берем. Пожалуйста к нам в другой раз *(уходит)*.

Евд. Ив. *(мужу)*. Колпак, колпак!

Суйков. Дудуся! Ты напрасно... Он...

Евд. Ив. И слушать не хочу... Туфля старая *(уходит)*.

Суйков *(идет за ней)*. Право, Дудушечка... он просит извинения... клянется... больше не будет *(уходит)*.

Светлов *(приближается к Дуне)*. Дуня!.. Вы плачете... О чем?

Дуня. Коля... Милый!.. *(Падает к нему на грудь и рыдает)*.

Занавес

 ДЕЙСТВИЕ 4-ое

Комната второго действия.

ЯВЛЕНИЕ I.

Суйков (*читает ноты*). Евдокия Ивановна (*пересматривает газетные объявления*).

Суйков (*сначала мурлычит, потом увлекается и поет*) «Времен от вечной темноты...»

Евд. Ив. Андрей Михайлович!

Суйков. Виноват, Дудуся, я совсем забыл, что ты здесь. (*Оба углубляются в занятие*).

Евд. Ив. Вот опять (*читает*) «Молодая особа ищет место горничной или одной прислуги. Гончарная, дом 13, квартира 21». Как ты думаешь, не принять ли ее? (*Суйков не слышит*). Андрей Михайлович!

Суйков. А? Что ты хочешь, Дудуся?

Евд. Ив. Я говорю не нанять ли ее?

Суйков. Нанять, конечно, нанять... Отчего же не нанять... (*Углубляется*).

Евд. Ив. Или вот еще (*читает*): «Ищу место прислуги в небольшое семейство. Имею рекомендацию. Пески, 7 улица, дом 39, квартира 11».

Суйков (*поет*) «Не будут говорить о нем».

Евд. Ив. Андрей Михайлович! Это, наконец, невыносимо.

Суйков. Что, Дудуся? Что невыносимо?

Евд. Ив. Я с тобой о деле хочу поговорить, а ты все мычишь и мычишь. Неужели не надоело? Ведь целый день, – с ума можно сойти.

Суйков. Ах, Дудуся, если тебе не нравится, то скажи... я совсем брошу заниматься, сожгу ноты... Я думал, что тебе приятно.

Евд. Ив. Всему свое время, Андрей Михайлович. Мне теперь не до пенья... Надо прислугу нанять.

Суйков. А я разве говорю, что не надо? Конечно, надо. Без прислуги нам никак нельзя.

Евд. Ив. Кого же выбрать из этих? Одна живет на Гончарной, другая – на Песках, третья – в Гавани, четвертая – в Измайловском полку, пятая – на 16-й линии, шестая – на Дворянской, седьмая – у Самсониевского моста.

Суйков. Возьми с Измайловского полка.

Евд. Ив. Чтобы солдаты к ней ходили? Ни за что! Я знаю, как брать прислугу с Измайловского полка.

Суйков. Не хочешь – возьми из Гавани.

Евд. Ив. Как раз! Она, наверное, знакома с матросами... Пьяницы, скандалисты... На кухне кабак заведут.

Суйков. Тогда с 16 линии.

Евд. Ив. Воровку, значит, да? По твоему воровку нанять ничего, да?

Суйков. Ну так с Самсониевского.

Евд. Ив. И не говорите мне, Андрей Михайлович! Я чухонку видеть не могу. Ничего не умеют делать, дуры, не понимают по-русски.

Суйков. Почему ты знаешь, что она чухонка?

Евд. Ив. Чухонка, непременно чухонка! Другая у Самсониевского моста жить не станет... Там все чухонки... И ты мне не говори... Я знаю это хорошо, очень хорошо.

Суйков. А если ты все так хорошо знаешь, то нечего меня и спрашивать.

Евд. Ив. Как тебя не спрашивать? Ты муж, ты глава дома.

Суйков. В таком случае возьми с Гончарной.

Евд. Ив. Это опять молодую? Чтобы в доме кавардак был, да? Чтобы опять сбегала? Покорно благодарю.

Суйков. Ах, Дудуша, право, ты сама не понимаешь, чего ты хочешь.

Евд. Ив. Я понимаю, Андрей Михайлович, очень хорошо понимаю, вы меня не проведете. Я, ведь, видела, все, все видела...

Суйков. Что ты видела? Ничего ты не видела.

Евд. Ив. Не выводите меня на откровенность, Андрей Михайлович, ой, не выводите! Разве я не знаю, как вы все вертелись около Дуняшки?

Суйков. Как все? Кто же это все? И каким это родом вертелись-то около нее?..

Евд. Ив. Говорю, не выводите на откровенность.

Суйков. Нет, ты продолжай, коли начала. Говори, когда я вертелся около Дуняшки, ну?

Евд. Ив. Вертелся, Андрей Михайлович, вертелся; нечего греха таить. Ведь я не сержусь, я так только к слову...

Суйков. Ну и вертелся. Пусть будет по твоему. Что ж из того, что я вертелся? Ведь она не потому сбежала?

Евд. Ив. Потому, не потому, а выходит, что потому.

Суйков. Как же это выходит? Ну?

Евд. Ив. А вот как. Когда она уходила, то господин Светлов мне передал по секрету, что она потому, говорит, бросает место, что не может переносить жильцов...

Суйков. Ну?!

Евд. Ив. Вот тебе и ну!

Суйков. При чем же я тут?

Евд. Ив. А при том, что и ты около нее вертелся.

Суйков. Наладила одно, – вертелся да вертелся! Ты мне покажи, что я вертелся, да докажи!

Евд. Ив. Ничего я тебе доказывать не хочу и не буду. Ты сам знаешь, что ты в этом деле не без греха.

Суйков. А все-таки ты мне этого не докажешь.

Евд. Ив. А все-таки ты старый ловелас...

Суйков. Ты мне, Дунечка, этого не говори. Ты ни в чем не можешь упрекнуть меня. Грех тебе говорить, право, грех...

Евд. Ив. Нет-с, вам грех... Я 31-ый год вам верная жена, а вы... стыдились бы оправдываться.

Суйков. Чего мне оправдываться? Говорю, – не грешен и не грешен.

Евд. Ив. А кто с Славской ужинал у Палкина? Не ты, а? Признавайся – не ты?

Суйков. С какой Славской? Когда?

Евд. Ив. А помнишь, певица-то была, с тобой служила, потом в Тифлис перевелась...

Суйков. Ха-ха-ха! Ведь это ровно двадцать лет тому назад. Ну память!

Евд. Ив. Смеяться-то нечего. Таких случаев я укажу тебе немало.

Суйков. Много, очень, но когда это было? Ха-ха!

Евд. Ив. Бесстыдник! Никогда не дорожил супружеской верностью... Я, бывало, сижу одна... Не ложусь до утра... самовар держу наготове. Вот, думаю, бедный Андрюша из оперы вернется усталый, голодный... А Андрюша между тем – к Палкину, с кокоточкой... Сколько я мук перетерпела, сколько вынесла!.. И за что же, за что? *(плачет)*.

Суйков. Какой вздор!.. Дудуша!.. Разве можно?.. Ну, я виноват... Ну, прости, виноват я, прости... Ведь в молодости все бешется... Ну, и я согрешил... каюсь... Прости же, прости... Ведь я теперь ничего, веду себя скромно...

Евд. Ив. *(рыдает)*. Для чего я молодость погубила.

Суйков. Дудуся, милая, дорогая... Ну, перестань... выпей водицы... на... говорю – виноват... ну, прости... ведь ты у меня такая добрая... Дудушечка.

Евд. Ив. *(продолжает рыдать)*. Скольким женихам отказала...

Суйков. Дудусенька!.. Да что ты со мной делаешь?.. Дорогая... Прости же, прости! Видишь, на коленях тебя прошу... *(становится на колени)*. Прости, Дудусенька... *(целует руку)*. Перестань, мое дитяtko... Тебе вредно плакать... Голова заболит... Колики в животе начнутся... Ты бы прилегла, Дудуся... Пойдем, я тебя отведу в спальню... Пойдем, моя ласточка... Пойдем, моя ненаглядная... Разве так можно... *(ведет ее)*. Ты женщина больная, слабая... Раздражаться тебе вредно... нужен покой... *(уходят)*.

ЯВЛЕНИЕ II.

Ив. Кузьмич Сомов, в цилиндре и пенсне.

Марья Павловна и **Петр** входят со стороны кухни.

Петр. Пожалуйте-с. Вот эта самая квартира и числится, значит, в домово́й книге за номером 37.

Мар. Павл. Фу!.. Просто задыхаюсь...

Сомов. Да, высоко. Под самую крышу забрался.

Петр. Никак нет-с, ваше степенство, под крышей у нас значатся квартиры 7-го этажа.

Мар. Павл. До сих пор не могу отдышаться... Бог знает куда завел... Лестница грязная... кухонный чад, вонь...

Петр. Это везде-с, сударыня. На то она черной и зовется. Я предлагал вам по чистой – сами не схотели-с.

Мар. Павл. В коридорах темно, – того гляди, лоб расшибешь... И здесь жить? ни за что!

Петр. Ведь я вам сказал, что эта квартира занята – видите сами. А вот, пожалуйста, по другой лестнице есть свободная, я вам покажу-с... в пять комнат... Пожалуйте-с.

Сомов. Фу, какой бестолковый! Ну, куда ты просишь жаловать, когда я тебе сказал, что я никакой другой квартиры не хочу, кроме этой.

Петр. Да, ведь, занята, ваше-ство, – видите сами.

Сомов. Знаю, что занята.

Петр. И она не скоро опорожнится.

Сомов. Знаю и это.

Петр. Жильцы хорошие, аккуратные... Хозяин их очень любит...

Сомов. И пускай себе любит.

Петр. Он ни за что им не откажет...

Сомов. Чорт!

Петр. За что же вы ругаетесь?

Сомов. Говорю, знаю и не приставай.

Петр. Помилуйте, как не приставать?..

Сомов. А будешь приставать, обругаю еще.

Петр. Нас не за что. Мы люди подневольные. Приказано квартиры показывать и говорю вам, что эта занята, а есть другая, свободная...

Сомов. Да ты уйдешь или нет?

Мар. Павл. Ваня!.. Разве так можно? Не сердись, любезный, мы не квартиру пришли нанять... Нам надо повидаться с Евдокией Ивановной... Мы ей родня...

Петр. Помилуйте-с, так бы и сказали...

Сомов. «Так бы и сказали». Чай, не ослеп еще, видишь, что не воры...

Петр. А кто знает, ваше высокородие, нынче не разберешь, особливо у нас в Питере... Прикажете доложить?

Мар. Павл. Да, да... Ведь, она дома?

Петр. Дома-с, Евдокия Ивановна всегда дома-с...

Мар. Павл. Так доложи, любезный... А вот тебе на чаек...

Петр. Покорнейше благодарю... Я сейчас...

Сомов. Стой. Будет спрашивать, не говори, что родственники, а так, мол, какие-то господа... понимаешь?

Петр. Понимаю-с.

Сомов. Живо! *(Петр уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ III.

Сомов и Марья Павловна.

Мар. Павл. Ты только ее не бей, Иван Кузьмич.

Сомов. А это мы посмотрим.

Мар. Павл. Нет, ты ее не бей... В столицах не принято.

Сомов. А черт мне в их столицах: я не тутошний и потому, значит, могу делать, что хочу.

Мар. Павл. Я тебе говорю – не принято. Притом же она девушка взрослая, да еще студентка.

Сомов. И до этого мне нет дела.

Мар. Павл. Да ты пойми, Иван Кузьмич, скан дал-то какой, в газетах пропечатают... Ведь здесь не то, что у нас, – здесь все в газетах печатают.

Сомов. И пусть их печатают.

Мар. Павл. Да, ведь, это скандал, – что скажут наши знакомые? Докторша все газеты читает – от нее не скроешь, – живо оповестит. Вот, дескать, поехали в Петербург глупые провинциалы, отыскиали свою дочь – курсистку и начали ее для первой встречи за волосы таскать... Нет, воля твоя, но я после такого скандала и домой не покажусь...

Сомов. Никакого скандала я тут не вижу. Она дочь моя и могу, значит, с нею делать, что хочу. Пусть не бегает.

Мар. Павл. Мы сами виноваты. Не пускали, когда просилась, ну и убежала. Учиться очень любит...

Сомов. Не пускал потому, что проку не вижу от их ученья. А деньги тратить зря не хочу и не буду.

Мар. Павл. Она и не просила денег и теперь пишет, что она занимается уроками, что ей хватает, чтобы мы не беспокоились...

Сомов. «Не беспокоились!» Чай, я отец? Как же мне не беспокоиться о родной дочери? Если бы не беспокоился, не приехал бы сюда, а то – не могу... Ночей не спишь, думаешь – что-то теперь с Дуняшкой, жива ли, тепло ли, ей, не голодна ли?.. «Не беспокоились!» Черти! Вот посмотрю на нее – если похудела, то за волосы – и домой. Я ей покажу курсы...

Мар. Павл. Тише, кажется, идет.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Суйков в халате, ермолке, очках, с трубкой.

Суйков. Пардон... Извините, пожалуйста, что я так просто... (*кланяется*). Простите ради бога.

Сомов. Ничего-с... Ваше дело... Нам это безразлично.

Суйков. Вам, да... может быть... но вот... (*к Мар. Павл.*) Простите, мадам, пожалуйста, простите...

Мар. Павл. Сделайте одолжение... Вы человек пожилой...

Суйков. Да, да, конечно... Но не принято и, пожалуйста, извините меня...

Сомов (*тихо*). Какого чорта он извиняется. Убрался бы лучше вон, ведь видит хорошо, что люди посторонние.

Суйков (*Мар. Павл.*). Прошу садиться. (*Ив. Кузьмичу*). Не угодно ли? (*Все садятся. Долгое молчание*). Вы Евдокию Ивановну спрашивали, кажется?

Мар. Павл. Да, да, ведь она дома?

Суйков. Как же-с, дома, во извиняется.

Сомов. У вас, я вижу, в столице все помешаны на извинениях... Чего извиняется? Пусть выйдет, а потом и извиняется, сколько ее душе угодно.

Суйков. В том-то и дело, что не может и потому извиняется...

Мар. Павл. Странно!

Сомов. Почему это она «не может»? Экая птица, подумаешь. Ведь сказано, что хотят ее видеть.

Суйков. Да-с, дворник доложил... Но она не может принять вас, извиняется.

Сомов. А чорт мне в ее извинениях! Я хочу ее видеть!..

Суйков. Уверяю вас, она не может... слегла в постель... больна...

Сомов. Что? Больна?

Мар. Павл. Ах! Где же она, где? Где ее комната? (*Ив. Кузьмич и Мар. Павл. порываются к дверям*).

Суйков. Виноват-с... Позвольте (*загораживает дорогу*). Позвольте-с. Я не могу вас допустить... позв...

Сомов. Чего вертитесь на дороге... пустите!

Суйков. Шш! Пожалуйста, тише... вы ее испугаете вашим криком.

Сомов. Так пустите же! Где она лежит?

Суйков. Уверяю вас, не могу, вы ее расстроите окончательно.

Сомов. Пустите, чорт вас возьми, пустите...

Суйков. Ах, какой вы горячий! Говорю – не могу. Если что нужно передать, скажите мне, – я б точности... Ведь это все равно...

Сомов. Как все равно?! Да вы-то что? Секретарем при ней состоите?

Суйков. Как секретарем? Я – муж.

Мар. Павл. Муж?!

Сомов. Как муж?!

Суйков. Очень просто – муж.

Мар. Павл. Разве она вышла?

Суйков. Что ж ей в девках до сих пор сидеть?

Мар. Павл. И вы ее муж?

Суйков. Как следует быть – законный.

Мар. Павл. И она решилась выйти за такого урода?

Суйков. Как-с?! Позвольте!.. Я 35 лет на оперной сцене прослужил, а вы говорите...

Мар. Павл. Нет, вы шутите, вы не могли на ней жениться... Вы не можете быть ее мужем... Это слишком бесчеловечно... гадко...

Суйков. Гадко?! Почему? Позвольте вас спросить, почему?

Мар. Павл. Вы, наверное, оболестили ее, обманули!

Суйков. Извините-с, она сама повисла мне на шею...

Мар. Павл. Сама Дуня?!

Суйков. Да-с, сама Дуня, если вы хотите знать.

Мар. Павл. И вы женились?

Суйков. Как видите.

Сомов. Да как вы смели?!

Суйков. Смелости особой не требовалось. Пристала – женись, я женился.

Сомов. Да кто вам позволил, старый шут?!

Суйков. Что?! Что вы сказали?! Шут?! Эй, дворник (*в окно*). Дворник! Я вам покажу, какой я шут... Эй, Петр!.. Вы узнаете, какой я шут... Николай! Петр! Я вас выучу...

Сомов. Пока ты меня выучишь, я раздаваю тебя, как крысу... (*порывается*).

Мар. Павл. (*удерживает*). Иван Кузьмич! Успокойся.

Сомов (*жене*). Пусти, говорю. (*Порывается*).

Суйков. Ка-р-ра-ул!

ЯВЛЕНИЕ V.

Те же и Евдокия Ивановна (*в белом капоте*)

Евд. Ив. Что такое? Что случилось?

Суйков. Помилуй, Дуся, пришли... Говорю, что ты не можешь, больна... А они ломятся к тебе... Ругаются, скандалят...

Сомов. Ха-ха-ха!

Евд. Ив. Милостивый государь, я не имею удовольствия вас знать.

Сомов. Так это и есть ваша жена?

Евд. Ив. Да-с, я жена Андрея Михайловича, мадам Суйкова.

Сомов (*сдерживая смех*). Извините... Ошиблись... Мы вас напрасно побеспокоили. Мы не к вам...

Евд. Ив. Не ко мне? Значит вы ошиблись квартирой?

Сомов. Никак нет, насчет квартиры не сомневайтесь, сударыня. Мы хотя народ не ученый, но можем отличить искусства...

Евд. Ив. А-а, понимаю теперь, понимаю (*входит Мазиллов*). Вот кстати он сам... Позвольте представить, – художник Мазиллов, молодой, но пишет необыкновенно хорошо.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те же и Мазиллов.

Мазиллов. Очень приятно... Чем могу служить? Портретец прикажете? Бюст или семейный?

Сомов. Не извольте беспокоиться.

Мазиллов. Как угодно.

Суйков. Нет, вы взгляните на его работу, он пишет мой портрет.

Мар. Павл. А в самом деле, – это очень интересно...

Сомов. Марья! Нет, вы портреты-то оставьте, а вы нам живых людей покажите. Кто у вас есть еще? Разве не все дома?

Евд. Ив. Кажется, все, – Трубадуров дома, Перышкин дома, Светлова только нет.

Сомов. Ну, а барышня? Курсистка что ли!

Евд. Ив. Курсистка?

Сомов. Ну, студентка, как хотите называйте...

Евд. Ив. У нас никакой студентки нет, боже сохрани, я их так боюсь.

Сомов. Как нет? Письмо-то, ведь, ее вот, – и улица, и дом, и квартира – эти самые.

Евд. Ив. Уверяю вас, нет.

Сомов. Чего меня уверять? Я знаю, что здесь, и пусть выходит. Прятаться-то ей некуда и вам ее хоронить незачем.

Евд. Ив. Господь с вами! Говорю, что у нас никакой студентки нет.

Сомов. Есть, сударыня, есть, и я не уйду, пока она не покажется.

Евд. Ив. Нет-с, вы уйдете, потому что у нас ее нет.

Сомов. А вот посмотрим... Ведь хуже будет, – избобью, как собаку... Пусть не выходит, не надо! (*Садится*).

Суйков (*тихо*). Нет, – это сумасшедший, право сумасшедший. (*Жене*). Пожалуйста, Дудуша, не спорь с ним, – ты видишь он какой.

Евд. Ив. (*Мужу*). Отколупнись! (*Сомову*). Так вы не уйдете?

Сомов. Говорю – не уйду. (*Жене*). Садись, Марья!

Евд. Ив. Нет, вы уйдете.

Сомов. Не уйду.

Евд. Ив. А вот посмотрим. Дворник! Дворник? (*Убегает*).

Суйков (*Мазиллову*). Сделайте милость, позовите сюда Перышкина и Трубадурова... Лучше, чем больше нас, тем лучше...

Мазиллов. Ха-ха-ха!

Суйков. Вам смешно... Смотрите, каким он зверем смотрит... Нет, голубчик, вы их позовите.

Мазиллов (*тихо*). Чудесная мысль. Скажу Перышкину, что приехал содержатель частного театра за его комедией.

Суйков. Чего вы медлите?

Мазиллов. Иду, иду (*уходит*).

Суйков (*пятится*). У-у, медведь... И глаза-то у него не человеческие... Дудуся! Дуня! (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Сомов и Марья Павловна.

Мар. Павл. Уйдем лучше, Иван Кузьмич, право, выйдет скандал.

Сомов. Ни за что! Трое суток буду сидеть.

Мар. Павл. Ну, ты сиди, Ваничка, а меня уж отпусти, я пойду...

Сомов. Марья!

Мар. Павл. Может быть, ее на самом деле нет...

Сомов. Здесь, я знаю, что здесь *(достает письмо)*. Читай!

Мар. Павл. Читала, сто раз читала.

Сомов. А если читала, так и сиди!

Мар. Павл. Надоело мне сидеть, Иван Кузьмич.

Сомов. Марья!

Мар. Павл. Тиран *(садится)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Те же и Перышкин с тетрадью.

Перышкин *(развязно)*. Виноват, что заставил дожидаться... Мне только сейчас доложили... Имею честь... Перышкин – литератор Константин Константинович.

Сомов. Ну-с, а дальше что?

Перышкин. Дальше? Как дальше? Виноват... Пардон... Я вас не расслышал... Пардон...

Сомов. Чего вы ломаетесь, как свинья на веревочке. Говорите, что вам нужно.

Перышкин. Виноват... вы говорите... Пардон... Я вас не понимаю...

Сомов. Чорт знает. Здесь, кажется, все рехнулись... Ну, столица!

Перышкин. Да-с, столица ничего... Город хороший... А вы как, надолго?... Давно?..

Сомов. Чего вы ко мне пристали? Что вам нужно от меня? Что?..

Перышкин. Виноват... Вы, кажется, сами? Пардон...

Сомов. Точно стоворились, – виноват да виноват. Чем вы виноваты, чорт вас возьми? И какое мне дело, что вы виноваты? Я не мировой судья, не судебный следователь, слышите, не прокурор...

Перышкин. Знаю-с... Очень хорошо знаю-с... Я много о вас слышал. У вас театр поставлен превосходно, – образцовая труппа, замечательно умелый выбор пьес... Жаль, у меня драма не окончена еще. Пока могу дать только комедию... Не хвастаясь, скажу, комедия не дурна.

Сомов. Да, правда, комедия хоть куда.

Перышкин. А вы разве слышали о ней?

Сомов. Не то что слышал, – видел, играл...

Перышкин. Нет, вы изволите смешивать. Моя комедия называется «Амур и Психея»; она еще не шла на сцене. Вот рукопись, не угодно ли полюбопытствовать?..

Сомов (*вырывает и швыряет тетрадь*). Убирайтесь вон с своей комедией к чорту!

Перышкин. Как к чорту?.. Позвольте-с!.. Ведь вы сами просили?.. Я любезно согласился на ваши условия, а вы — «к чорту»... Да еще швыряете тетрадь...

Сомов. Убирайтесь, говорю, пока и вас не вышвырнул в окно.

Перышкин (*платится*). Меня?.. Как?.. (*тихо*). Нет, не может быть, Мазиллов перепутал... Не может быть, чтобы содержатель театра был таким (*подымает тетрадь*). Ах, маляр проклятый, подвел, оскандалил...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же, Евдокия Ивановна, Суйков, Петр входят со стороны кухни. Мазиллов и Трубадуров с корнетом из средних дверей. (*Вся сцена до последнего явления идет очень быстро*).

Трубад. Ха-ха-ха! Ну-ка, где он, где?

Евд. Ив. Не уйдете, и теперь не уйдете?!

Перышкин. Послушайте, сосед, вы меня, кажется, подвели?..

Мазиллов. Ха-ха! Не берет вашу комедию?

Трубад. Приступай, братцы! Бери его! Ха-ха!

Евд. Ив. Не уйдете, я вас спрашиваю?

Мар. Павл. (*боязливо*). Иван Кузьмич...

Сомов (*строго*). Марья!

Мар. Павл. Я не могу, умру.

Сомов. Умирай, а сиди.

Суйков (*жене*). Не подходи ты, Дудушечка, так близко, не подходи.

Сомов. Чего же вы стали? Берите! Пришли, так берите!

Трубад. Ха-ха! Приступай, ребята! (*играет, галоп*).

Евд. Ив. Не хотите? Не хотите?!

Суйков. Дудушечка, не подходи так близко!..

ЯВЛЕНИЕ X.

Те же и Светлов.

Светлов (*в дверях*). Что это? Взятие Карфагена? Евдокия Ивановна! Андрей Михайлович! Что такое? Господа! Что случилось? (*Его замечают, спешат ему навстречу и говорят наперефыв*).

Суйков. Николай Василич!..

Евд. Ив. Милый Николай Васильевич, разберите нас.

Перышкин. Странное происшествие, необыкновенный субъект...

Трубад. Медведя травим! Ха-ха-ха!

Мазилов. Патрон Перышкина! Ха-ха!

Светлов. Ничего не понимаю.

Перышкин. Представьте, Мазилов приходит...

Евд. Ив. Перышкин! Я вас прошу, не мешайте.

Трубад. Ну, ребята, приступай! (*трубит*).

Евд. Ив. Тише! Трубадуров.

Трубад. А? Что?.. Отступление? Не будем его брать?..

Светлов. Кого? Кого вы берете?

Суйков. Медведя, голубчик, медведя... Вишь, сидит, лапы расправил.

Светлов. Бог с вами!.. Что он вам сделал?

Евд. Ив. Помилуйте, Николай Васильевич, явился откуда-то. Кто он, что он, никто не знает... ищет какую-то курсистку... Говорим, не знаем, не верит. Прячете, говорит, и не уйду, говорит, пока она не покажется...

Светлов. Так, так, так... Понимаю... Позвольте, я сейчас (*подходит к Самову*). Могу я узнать имя курсистки? (*Самов отворачивается*). Евдокия Ивановна, Сомова, да?

Сомов. Да, да, да! Евдокия Ивановна, дочь моя, чорт вас возьми, да!

Светлов. Так вы отец Евдокии Ивановны?

Сомов. Что вы пристали? Коли бы не отец, так я бы разве того...
Понятно, отец.

Светлов. Очень приятно, очень рад вас видеть...

Сомов. Так вы ее знаете?

Светлов. Знаю, как же, мы с нею приятели... Позвольте познакомиться... Светлов Николай Васильевич, учитель.

Сомов. Очень рад (*жмет ему руку*). Но вы скажите мне, имею я право ее видеть или нет?

Светлов. Конечно, конечно. Но она здесь не живет теперь... Она перешла на другую квартиру... Я доведу вас к ней...

Мар. Павл. (*дает ему руку*). Как я вам благодарна...

Сомов. Так идем же, идем, господин учитель.

Светлов. Нет, позвольте!.. Дайте слово, что вы ее простите, иначе не поведу.

Мар. Павл. Даем, даем честное слово.

Сомов. Марья! (*Светлову*). Вам-то что?

Светлов. Это уж мое дело. Даете?

Сомов. Ну, чорт с вами!

Светлов (*жмет руку*). Теперь еще одно слово.

Сомов. Э, господин учитель, этак мы до завтра не кончим...

Светлов. Нет, я в одну минуту (*ко всем*). Господа! Поздравьте меня – я скоро женюсь.

Суйков. Николушка! Дорогой мой! (*обнимает*). Поздравляю.

Евд. Ив. Милый Николай Васильевич!.. Кто же твоя невеста, мой дорогой?

Суйков. Да, да, Николушка, кто твоя невеста?

Светлов. А вот увидите. Она обещала заехать сюда ровно... (*смотрит на часы*). Сию минуту она будет здесь, чтобы пригласить вас всех на обручение. (*Сомовым*). Надеюсь и вы осчастливите?

Мар. Павл. Не знаю, как муж...

Сомов. Марья! Благодарим покорно. Нам бы дочь повидать сначала.

Светлов. Увидите, увидите... (*в дверях появляется Дуня*). Вот... это не она? (*общее удивление*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Те же и Дуня.

Сомов. Дуняшка?!

Мар. Павл. (*бежит навстречу*). Дуня! Милая!

Дуня. Отец!.. Мама!.. *(обнимается с Марьей Павловной).*

Светлов. Что, господа, не ожидали?

Перышкин *(тихо).* Муза! Ах, чорт возьми!

Мазилев *(тихо).* Скандал, совсем скандал.

Суйков *(тихо).* Не может быть! Неужели она?

Евд. Ив. *(тихо).* Не понимаю, хоть убей, не понимаю.

Трубад. *(тихо).* Вот тебе флейта.

Светлов. *(Сомову).* Не забывайте данного слова *(подходит к Дуне, берет ее за руку и подводит к отцу).* Простите и благословите!

Мар. Павл. *(мужу).* Ваня, голубчик, не упрямься.

Сомов. Марья! *(та плачет).* Ну, господь с вами... Не хотел было... да нет... застали врасплох. Расстроили... Будьте счастливы *(утирает слезы, целуются. Обице поздравления, объятия и поцелуи).*

Петр. Обознался... *(машиет рукой).* Э-эх!

Суйков *(Светлову).* А твоя-то Дуня выглядит лучше моей. Ха-ха!..

Евд. Ив. Бесстыдник! Я 31-й год тебе верная жена...

Сомов *(Дуне).* Ну, а как же курсы-то твои?

Суйков. Помилуйте, какие курсы?..

Евд. Ив. *(зажимает ему рот).* Молчи! Не твое дело...

Дуня. Я, я... пока...

Светлов. Она пока была на низших курсах, а теперь блистательно выдержала экзамен в женский университет.

Занавес.

